

КЛАССИКА ЖАНРА
ДЕТЕКТИВ

ГАСТОН ЛЕРУ

ПРИЗРАК ОПЕРЫ

Гастон Леру Призрак Оперы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7947941
Гастон Леру. Призрак Оперы: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2013
ISBN 978-5-373-04910-8*

Аннотация

«Призрак Оперы существовал на самом деле. Он не был плодом суеверного воображения артистов и директоров... он существовал во плоти, хотя был похож на настоящий призрак, иначе говоря, на тень».

Как известно, в каждом оперном театре есть свой призрак. Призрак Парижской Оперы влюбился в начинающую певицу Кристину и явился к ней Ангелом Музыки, всеведущим и незримым, положив начало цепочке загадочных и трагических событий...

Выдержанный в готических тонах, роман Гастона Леру «Призрак Оперы» вдохновил Э. Ллойда Вебера на создание знаменитого бродвейского мюзикла.

Содержание

Предисловие	5
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	25
Глава VI	29
Глава VII	38
Глава VIII	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Гастон Леру Призрак Оперы

© Перевод Н. Световидовой, 2010

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». 2013

Предисловие

Призрак в Опере существовал. Он не был порождением воображения артистов и суеверия директоров, выдумкой разгоряченных умов девиц из кордебалета и их мамаш, билетерш, служащих гардероба и консьержки. Нет, он существовал во плоти, хотя и придавал себе видимость настоящего призрака, то есть тени.

Как только я стал наводить справки в архиве Национальной академии музыки,¹ меня поразило удивительное совпадение странных явлений, которые связывали с присутствием *призрака*, и событий, сопутствовавших одной из самых таинственных и фантастических драм, и вскоре я пришел к мысли о том, что можно найти разумное объяснение одному с помощью другого. От всего случившегося нас отделяет не более тридцати лет, и было бы нетрудно даже сегодня найти в танцевальном фойе весьма почтенных старцев, в чьих словах никто не посмеет усомниться, которые доподлинно вспомнят, словно все это происходило вчера, подробности загадочных и трагических обстоятельств, сопровождавших похищение Кристины Дое, исчезновение виконта де Шаньи и смерть его старшего брата, графа Филиппа, чье тело обнаружили на берегу озера, находящегося в подвальной части театра Оперы со стороны улицы Скриба. Но до сего дня ни один из свидетелей не додумался заподозрить в причастности к этой ужасной истории призрака в Опере.

Истина медленно прокладывала себе путь сквозь строй моих мыслей, смущенных исследованием, то и дело натывавшимся на явления, которые на первый взгляд вполне можно отнести к разряду потусторонних, но в конце концов мне удалось получить доказательство того, что призрак в Опере отнюдь не был тенью.

В тот день я встретил администратора нашей Национальной академии, болтавшего на лестничной площадке с очень живым, кокетливым старичком, которого он тут же представил мне. Г-н администратор был в курсе моих исследований и знал, с каким нетерпением я понапрасну пытался отыскать убежище г-на Фора, судебного следователя по знаменитому делу Шаньи. Никто не ведал, что с ним случилось, жив он или умер, и вот теперь, по возвращении из Канады, где он провел пятнадцать лет, бывший судебный следователь первым делом отправился в секретариат парижской Оперы, чтобы получить право на бесплатное место. Ибо этот старичок и был г-ном Фором.

Большую часть вечера мы провели вместе, он рассказал мне все, что знал о деле Шаньи. За отсутствием доказательств ему в свое время пришлось признать безумие виконта и смерть в результате несчастного случая его старшего брата, однако он не сомневался, что между братьями произошла страшная драма из-за Кристины Дое. Но он так и не смог сказать мне, что случилось с Кристиной и виконтом. Когда же я завел речь о призраке, он только посмеялся. Хотя тоже был в курсе явлений, которые свидетельствовали о существовании некоего человека, избравшего местом жительства один из самых таинственных уголков театра Оперы; ему также была известна история с «конвертом», однако во всем этом он не усмотрел ничего такого, что могло бы привлечь внимание должностного лица, которому поручили расследовать дело Шаньи, и потому едва выслушал показание одного свидетеля, заявившего, что ему не раз доводилось встречаться с призраком. Свидетель был не кто иной, как «Перс» – так весь Париж называл этого человека, которого хорошо знали завсегдатаи Оперы. Следователь принял его за ясновидца.

Вы конечно понимаете, что меня страшно заинтересовала история с Персом. Мне хотелось отыскать столь ценного свидетеля. Удача сопутствовала мне, и я нашел его в маленькой

¹ Французский оперный театр в Париже.

квартирке на улице Риволи, где он проживал с тех самых пор и где скончался через пять месяцев после моего визита.

Поначалу я отнесся к нему с недоверием, но когда Перс с детским простодушием рассказал все, что ему было известно о призраке, и передал мне доказательства его существования, в том числе и странные письма Кристины Дое, письма, проливавшие свет на ее ужасную судьбу, я уже не имел оснований сомневаться! Призрак не был мифом! Я прекрасно знаю, мне ответят, что письма эти, возможно, вовсе не были подлинными, что они могли быть подделаны, однако мне посчастливилось отыскать почерк Кристины, причем отнюдь не в пресловутой пачке писем, и заняться сравнительным изучением, которое избавило меня от всяких сомнений. Кроме того, я навел справки относительно Перса и обнаружил, что он человек честный, неспособный на какую-либо махинацию, которая могла бы ввести в заблуждение правосудие.

Впрочем, таково мнение самых именитых персон, причастных к делу Шаньи и бывших друзьями этого семейства; я познакомил их со всеми документами, изложив выводы, к которым пришел. С их стороны я получил поощрение и позволю себе привести лишь несколько строк, адресованных мне генералом Д...

Сударь,

Сумею ли я уговорить вас предать гласности результаты вашего расследования? Я отлично помню, что за несколько недель до исчезновения великой певицы Кристины Дое и разразившейся за тем драмы, которая повергла в траур все Сен-Жерменское предместье, в танцевальном фойе много было разговоров о призраке, и думается, что говорить о нем перестали лишь из-за этого дела, завладевшего тогда всеми умами; однако, если возможно найти объяснение драмы при помощи призрака, прошу вас, сударь, напомните нам снова о призраке. Каким бы таинственным ни казался он поначалу, понять его все-таки легче, нежели ту мрачную историю, в которой злонамеренные люди пожелали усмотреть лишь смертельный раздор двух братьев, на самом деле обожавших друг друга всю жизнь...

И вот, с досье в руках я снова исследовал обширные владения призрака, гигантский монумент, где он основал свою империю, и все, что представляло моим глазам, неоспоримо подтверждало документацию Перса, а в довершение мои труды увенчала находка, положившая конец любым сомнениям. Вы помните, как недавно, когда копали в подвалах театра Оперы, дабы разместить там записанные на фонографе голоса артистов, кирка рабочих наткнулась на труп, так вот, я сразу же получил подтверждение тому, что это был труп Призрака театра Оперы. Я заставил удостовериться в том администратора, и теперь мне безразлично, что в газетах пишут, будто найдена одна из жертв Парижской Коммуны. Несчастные, погибшие в подвалах Оперы во времена Коммуны, погребены в другой стороне – далеко от этого гигантского склепа, куда во время осады свозили съестные припасы. Я напал на этот след в поисках останков Призрака театра Оперы, которые мне не удалось бы обнаружить, если бы не столь неслыханный случай захоронения живых голосов!

Глава I

Тем вечером, когда г-н Дебьенн и г-н Полиньи, подавшие в отставку директора театра Оперы, устраивали по случаю своего ухода прощальное торжество, гримерную Сорелли, одной из лучших представительниц танца, внезапно заполонили с полдюжины девиц кордебалета. Они устремились туда в величайшем смятении: одни неестественно громко смеялись, другие кричали от ужаса.

Сорелли, желавшая побыть одна, дабы повторить приветственную речь, которую вскоре ей предстояло произнести в фойе в адрес г-на Дебьенна и г-на Полиньи, с досадой увидела эту ошалевшую толпу и, повернувшись к своим подругам, спросила о причине столь бурного волнения. И тогда крошка Жамм объяснила дрожащим от страха голосом:

– Призрак! – И заперла дверь на ключ.

Сорелли была очень суеверна. Она первая была готова поверить в призраков вообще и в призрака театра Оперы в частности и пожелала сразу же все выяснить.

– Вы видели его? – спросила Сорелли.

– Как вижу вас сейчас! – простонала крошка Жамм и упала на стул, не в силах больше держаться на ногах.

И тотчас крошка Жири добавила:

– Если это он, то очень уж безобразен!

– О да! – хором подхватили танцовщицы.

И заговорили все разом. Призрак предстал перед ними в виде господина в черном фраке, который вырос вдруг в коридоре. Его появление было столь внезапно, что, казалось, он вышел из стены.

– Ах! – не выдержала одна из девиц, сохранившая в какой-то мере хладнокровие. – Вам всюду мерещится призрак.

И в самом деле, вот уже несколько месяцев в Опере все толковали об этом призраке в черном фраке, который разгуливал по всему зданию, ни с кем не разговаривая, да и к нему никто не решался обратиться; к тому же, стоило его увидеть, и он тут же исчезал, неведомо куда и как. Шагов его не было слышно – обычное дело для настоящего призрака. Поначалу все только веселились, насмехаясь над этим привидением в одежде светского человека или служащего похоронного бюро, однако вскоре легенда о призраке приобрела в кордебалете колоссальный размах. Танцовщицы уверяли, будто сталкивались с этим сверхъестественным существом, становясь жертвами его злых чар. Случилось какое-нибудь несчастье, подружка подшутила над одной из девиц кордебалета, пропала пуховка для рисовой пудры? Во всем виноват был призрак театра Оперы!

А по сути, кто его видел? В Опере встречается столько черных фраков, и это вовсе не обязательно призраки. Однако у того была одна особенность, не присущая остальным черным фракам. Под ним скрывался скелет. Во всяком случае так говорили девицы. И вместо головы, разумеется, был череп.

Насколько всему этому можно было верить? Истина заключалась в том, что представление о скелете возникло после описания призрака, сделанного Жозефом Бюке, старшим машинистом сцены, который действительно его видел. Он столкнулся – нельзя сказать «нос к носу», ибо у призрака такового не было – с таинственным персонажем на маленькой лестнице, которая от рампы ведет непосредственно в подвалы. Он успел заметить его в считанные доли секунды – ибо призрак бросился бежать – и сохранил об этом видении неизгладимое воспоминание. Вот что рассказывал о призраке Жозеф Бюке любому, кто готов был его выслушать:

«Он чудовищной худобы, и черный фрак болтается на нем, как на скелете. А глаза так глубоко западали, что с трудом можно различить неподвижные зрачки. И в общем-то видны лишь две огромные черные дыры, словно на черепе у мертвецов. Кожа, которая натянута на кости, как на барабан, вовсе не белая, а безобразно желтая; нос такой малюсенький, что в профиль совсем незаметен, *отсутствие* носа – вещь ужасная *на вид*. Три или четыре длинные темные пряди на лбу и за ушами – вот и вся шевелюра».

Старший машинист сцены был человеком серьезным, степенным, непьющим и не отличался живым воображением. Его словам внимали с изумлением и интересом, и тут же нашлись такие, кто стал утверждать, будто и они тоже видели черный фрак с черепом вместо головы. Люди разумные заявили сначала, что Жозеф Бюке стал жертвой одного из своих подчиненных, подшутившим над ним. Но затем последовали столь странные и необъяснимые события, что и умники заколебались.

Лейтенант-пожарник, безусловно, человек отважный. Он ничего не боится, и главное, не боится огня! Так вот, этот самый лейтенант-пожарник, который отправился с обходом в подвалы, внезапно снова появился на сцене – бледный, растерянный, с выпученными глазами, дрожащий в испуге – и едва не лишился чувств, упав на руки благородной мамыши крошки Жамм. А почему? Да потому, что увидел приближавшуюся к нему *на уровне головы, но только без туловища, огненную голову!* Хотя лейтенант-пожарник, как известно, огня не боится. Звали лейтенанта-пожарника Папен.

Кордебалет был потрясен. Прежде всего, эта огненная голова ни в коей мере не соответствовала описанию призрака, данному Жозефом Бюке. Пожарника засыпали вопросами, потом еще раз расспросили старшего машиниста сцены, после чего девицы пришли к выводу, что у призрака, видимо, несколько голов, и он меняет их, как вздумается. Они, естественно, тотчас вообразили, что подвергаются величайшим опасностям. Раз уж лейтенант-пожарник едва не лишился чувств, то что тут говорить о кордебалете. А посему, дабы уберечь прославленное сооружение от ужасных колдовских козней, Сорелли в окружении всех танцовщиц и даже мелюзги младших классов в трико – на другой день после истории с лейтенантом-пожарником – самолично положила на стол привратника в вестибюле подкову, до которой любому, кто входил в Оперу не в качестве зрителя, надлежало дотронуться, прежде чем ступить на первую ступеньку лестницы. Иначе легко было стать добычей таинственных сил, завладевших зданием от подвалов до чердачных помещений!

Таково вкратце было состояние умов этих девиц в тот вечер, когда мы вместе с ними проникли в гримерную Сорелли.

– Призрак! – воскликнула, стало быть, крошка Жамм.

Беспокойство танцовщиц все возрастало. В гримерной воцарилось тревожное молчание. Наконец Жамм с выражением неподдельного ужаса бросилась в самый дальний угол и, прислонившись к стене, прошептала одно лишь слово:

– Слушайте!

И в самом деле, всем почудилось, будто за дверью раздался какой-то шорох. Но шагов не было слышно. Казалось, прошелестел легкий шелк, задев дверную филенку. И все. Сорелли, подойдя к двери, спросила слабым голосом:

– Кто там?

Но ей никто не ответил.

Тогда, чувствуя на себе пристальные взгляды, следившие за каждым ее движением, она заставила себя быть храброй и очень громко сказала:

– Есть кто-нибудь за дверью?

– О да! Наверняка за дверью кто-то есть! – вскрикнула Мег Жири, героически схватив Сорелли за газовую юбку. – Только не открывайте! Боже мой, не открывайте!

Но Сорелли, вооружившись стилетом, с которым никогда не расставалась, отважилась повернуть ключ в замочной скважине и открыть дверь, в то время как танцовщицы отпрянули назад, а кое-кто даже укрылся в туалете. Сорелли бесстрашно выглянула в коридор. Там было пусто; язычок пламени отбрасывал из своего стеклянного заточения неверный красный отблеск среди окружающего мрака, не рассеивая его. И танцовщица со вздохом облегчения поспешно закрыла дверь.

– Нет, – сказала она, – никого нет!

– А между тем мы все его видели! – снова заявила Жамм, боязливо занимая свое место возле Сорелли. – Должно быть, он бродит где-то там. Я ни за что не пойду переодеваться. Мы сейчас все вместе спустимся в фойе для «приветствия», а потом все вместе поднимемся.

С этими словами девочка благоговейно коснулась крохотного коралла, призванного отводить от нее беду. А Сорелли кончиком розового ногтя большого пальца правой руки украдкой нарисовала Андреевский крест на деревянном кольце, надетом на безымянный палец левой руки.

– Дети мои, – снова обращается Сорелли к маленьким танцовщицам, – не пора ли опомниться!.. Призрак? Никто его, возможно, никогда не видел!..

– Мы видели!.. Только что видели! – возразили крошки. – Он был во фраке и с черепом вместо головы, как в тот вечер, когда явился Жозефу Бюке!

– И Габриель тоже его видел! – добавила Жамм. – Не далее как вчера! Вчера после обеда... среди бела дня...

– Габриель, хормейстер?

– Ну да...

– И он был во фраке среди бела дня?

– Кто? Габриель?

– Да нет! Призрак!

– Конечно, во фраке! – заявила Жамм. – Сам Габриель мне это сказал... Потому-то он его и узнал. Габриель находился в кабинете управляющего. Вдруг дверь распахнулась. И вошел Перс. А у Перса, сами знаете, «дурной глаз». А Габриель такой суеверный! Хотя всегда отменно вежлив и, когда видит Перса, просто преспокойно кладет руку в карман, чтобы потрогать ключи... Так вот, как только открылась дверь перед Персом, Габриель вскочил с кресла, на котором сидел, и бросился к замочной скважине в шкафу, чтобы успеть дотронуться до железа! По дороге, зацепившись за гвоздь, он разорвал полу своего пальто. А поторопившись уйти, ударился лбом о вешалку и набил огромную шишку; потом, попятившись внезапно, задел рукой за ширму у пианино; хотел опереться на пианино, но до того неудачно, что крышка упала ему на руки, прищемив пальцы; как сумасшедший выбежал он из кабинета и, наконец, спускаясь по лестнице, пересчитал спиной все ступеньки. Я как раз проходила мимо вместе с мамой. Мы кинулись поднимать его. Он сильно расшибся, все лицо было в крови, мы даже испугались. Но он сразу заулыбался, воскликнув: «Благодарю тебя, Господи, за то, что так легко отделался!» Тут мы стали расспрашивать его, и он рассказал нам о своих страхах. А испугался-то он потому, что за спиной Перса стоял призрак! *Призрак с черепом вместо головы*, каким описывал его Жозеф Бюке.

Конец истории, которую, с трудом переводя дух, торопливо, словно за ней гнался призрак, поведала Жамм, встретили испуганным шепотом. И снова наступило молчание, которое нарушила крошка Жири:

– Жозефу Бюке лучше бы помолчать.

– А почему он должен молчать?

– Так считает мама... – ответила Мег на этот раз едва слышно, оглядываясь по сторонам, словно опасаясь, что ее могут услышать другие уши, кроме тех, что находились рядом.

– А почему твоя мама так считает?

- Тише! Мама говорит, что призрак не любит, когда ему досаждают!
- А почему твоя мама говорит это?
- Да потому что... Потому что... ничего особенного...

Такая искусная уклончивость разожгла любопытство девиц, и они, окружив крошку Жири плотным кольцом, умоляли ее объясниться.

- Я поклялась ничего не рассказывать! – еле слышно пролепетала Мег.

Но они не оставляли ее в покое, истово пообещав хранить секрет, и Мег, горевшая желанием поведать то, что знала, начала в конце концов, не спуская глаз с двери:

- Так вот... это все из-за ложи...
- Какой ложи?
- Ложи призрака!
- У призрака есть ложа?

При мысли, что призрак имеет собственную ложу, танцовщицы не могли сдержать охватившего их жуткого восторга.

- Ах, Боже мой! Рассказывай... Рассказывай...

– Поттише! – приказала Мег. – Это ложа номер пять, на первом ярусе, у самой сцены с левой стороны.

- Не может быть!

– Точно вам говорю... А билетершей там – моя мама... Но вы клянетесь ничего не рассказывать?

- Ну конечно! Дальше!..

– Так вот, это и есть ложа призрака... Туда больше месяца никто не приходил, кроме призрака, разумеется, и в администрацию отдали распоряжение никому ее не сдавать...

- И призрак действительно туда приходит?

- Ну конечно...

- Стало быть, кто-то все-таки приходит?

- Да нет же!.. *Приходит призрак, но там никого нет.*

Крошки танцовщицы переглянулись. Если призрак являлся в ложу, его должны были видеть, раз на нем был черный фрак, а вместо головы – череп. Они попытались втолковать это Мег, но та возразила:

– В том-то и дело! Призрака не видно! У него нет ни фрака, ни головы!.. Все, что рассказывали о черепе и огненной голове, выдумки! Ничего такого у него нет... Его только можно слышать, когда он в ложе. Мама никогда его не видела, но зато слышала. Уж мама-то знает, ведь это она приносит ему программу.

Сорелли сочла своим долгом вмешаться:

- Жири, ты смеешься над нами?

Тут крошка Жири заплакала.

– Лучше бы я молчала... Если мама когда-нибудь узнает!.. И все-таки Жозеф Бюке напрасно лезет не в свое дело... Ему это принесет несчастье... Мама еще вчера вечером говорила...

В эту минуту в коридоре послышались тяжелые, торопливые шаги и громкий голос:

- Сесиль! Сесиль! Ты здесь?

- Это мамин голос! – сказала Жамм. – Что случилось?

И она открыла дверь. Почтенная дама, скроенная наподобие померанского гренадера, ринулась в гримерную и со стоном упала в кресло. Она в страхе таращила глаза, придававшие мрачное выражение ее лицу цвета обожженного кирпича.

- Какое несчастье! – проговорила она. – Какое несчастье! Жозеф Бюке...

- Ну что там с Жозефом Бюке?

– Жозеф Бюке умер! Его только что нашли повешенным в третьем подвале!.. *Но самое ужасное*, – задыхаясь, продолжала несчастная почтенная дама, – *самое ужасное то, что машинисты сцены, которые обнаружили его тело, уверяют, будто возле трупа слышны были какие-то звуки, похожие на погребальное пение!*

– Это призрак! – вырвалось у крошки Жири, однако она тут же опомнилась и закрыла рот руками: – Нет!.. Я ничего не сказала!.. Я ничего не сказала!..

Вокруг нее все подружки тихонько повторяли в ужасе:

– Так и есть! Это призрак!..

Сорелли побледнела.

– Ни за что я не сумею произнести приветственную речь, – молвила она.

Мамаша Жамм, осушив забытую на столе рюмку ликера, тоже высказала свое мнение: тут наверняка замешан призрак.

Истина же заключается в том, что никто так никогда и не узнал, как умер Жозеф Бюке. Расследование, довольно поверхностное, не дало никаких результатов, если не считать вывода о *естественном самоубийстве*. В «Мемуарах одного директора» г-н Моншармен, один из двух директоров, сменивших г-на Дебьенна и г-на Полиньи, так описывает случай с повешенным:

«Прискорбный инцидент нарушил небольшое торжество, устроенное г-ном Дебьенном и г-ном Полиньи по случаю своего ухода. Я находился в директорском кабинете, когда туда внезапно вошел Мерсье – администратор. Он в панике сообщил мне, что в третьем подвальном этаже под сценой, между стропильной фермой и декорациями «Короля Лагорского», обнаружено тело машиниста сцены.

«Надо пойти снять его!» – воскликнул я. Но пока я бегом спустился по ступенькам, а потом по приставной лестнице, у повесившегося уже не оказалось веревки!»

Вот, стало быть, какое событие г-н Моншармен считает естественным. Человек висит на веревке, его собираются снять, а веревка исчезает. О! Г-н Моншармен нашел тому весьма простое объяснение. Послушайте его: *Тут как раз кончился танец, и корифеи с мышками поспешили принять меры предосторожности от сглаза*. Вы представляете себе девочек кордебалета, которые спускаются по приставной лестнице и делят между собой веревку повесившегося быстрее, чем это можно описать. Несерьезно! Зато когда я обдумываю, в каком месте было найдено тело – в третьем подвальном этаже под сценой, – на ум мне приходит, что, возможно, у *кого-то* был интерес, чтобы эта веревка исчезла, и позже мы увидим, прав ли я.

Мрачная новость быстро распространилась по всему зданию Оперы, сверху донизу: ведь Жозефа Бюке здесь очень любили. Гримерные опустели, и молоденькие танцовщицы, собравшись вокруг Сорелли, словно испуганные овцы вокруг пастуха, направились в фойе по плохо освещенным лестницам и коридорам.

Глава II

На первой площадке Сорелли столкнулась с поднимавшимся графом де Шаньи. Граф, обычно такой сдержанный, не скрывал своего восторженного волнения.

– Я шел к вам, – сказал граф, весьма галантно приветствуя молодую женщину. – Ах, Сорелли! Какой прекрасный вечер! А Кристина Дое – какой триумф!

– Не может быть! – возмутилась Мег Жири. – Всего полгода назад она пела так, что уши вяли! Однако позвольте нам пройти, мы хотим узнать новости о несчастном человеке, которого нашли повесившимся.

Услыхав ее слова, проходивший мимо озабоченный администратор внезапно остановился.

– Как! Вам уже об этом известно, мадемуазель? – спросил он довольно резким тоном. – Ну что ж, только никому не говорите... в особенности господину Дебьенну и господину Полиньи, они ничего не должны знать! Их это сильно расстроит – в последний-то день!

Все направились к танцевальному фойе, уже заполненному людьми.

Граф де Шаньи оказался прав: ни одно торжество нельзя было сравнить с этим; те, кому посчастливилось присутствовать на нем, до сих пор с волнением рассказывают о своих впечатлениях детям и внукам. Еще бы: Гуно, Рейер, Сен-Санс, Массне, Гиро, Делиб по очереди вставали за пульт и самолично дирижировали своими произведениями. А кроме того, именно в тот вечер Парижу явила себя в полном блеске та самая Кристина Дое, о таинственной судьбе которой я хочу поведать в этом произведении.

Истинный триумф выпал на долю Кристины Дое, исполнившей сначала несколько отрывков из «Ромео и Джульетты». Ах! Остается лишь пожалеть тех, кто не слышал Кристину Дое в роли Джульетты, не видел ее наивной грации, не содрогался при звуках ее ангельского голоса, не ощущал, как собственная душа вместе с ее душой устремляется ввысь над могилами веронских любовников: «Господь, прости меня!» Но все это ничто по сравнению с неземными интонациями, зазвучавшими в сцене тюрьмы и финального трио «Фауста», где она пела, заменив почувствовавшую недомогание Карлотту. Никто никогда не слышал и не видывал ничего подобного!

Весь зал целиком, охваченный необычайным волнением, восторженными криками приветствовал рыдавшую Кристину, без сил упавшую на руки своих товарищей. Пришлось отнести ее в гримерную. Казалось, она отдала Богу душу. Известный критик запечатлел забываемое воспоминание об этой чудесной минуте в статье и поделился своим открытием: это прекрасное и нежное дитя подарило в тот вечер зрителям не только свое искусство, но и сердце.

Некоторые зрители возмущались. Как могли скрывать от них подобное сокровище? Понадобилось непонятное, необъяснимое отсутствие Карлотты на праздничном гала-концерте, чтобы малютка Дое без всякой подготовки показала, на что она способна. И почему, лишившись Карлотты, г-н Дебьенн и г-н Полиньи обратились к Дое? Стало быть, они знали о ее скрытом даровании? А если знали, почему таили его? А она, почему она таила его? Вещь странная, но в настоящий момент у нее, как известно, не было учителя. Она не раз заявляла, что отныне будет работать одна. Все это было непостижимо.

Граф де Шаньи присутствовал при восторженном исступлении зала и, стоя в своей ложе, присоединял оглушительные браво к общим аплодисментам.

Графу де Шаньи (Филиппу-Жоржу-Мария) исполнился сорок один год. Это был настоящий вельможа и статный мужчина. Ростом выше среднего, с приятным, несмотря на суровое выражение и несколько холодный взгляд, лицом, он был изысканно любезен с женщинами и немного высокомерен с мужчинами, не всегда прощавшими ему успехи в светском

обществе. Сердце у него было прекрасное и совесть чиста. После смерти старого графа Филибера он стал главой одного из самых прославленных и старинных семейств Франции, чья родословная восходит к Людовику Сварливному.

Состояние де Шаньи было немалым, и когда старый граф, оставшийся вдовцом, умер, на долю Филиппа выпала нелегкая задача – ему пришлось согласиться взять на себя ответственность распорядиться столь значительным наследством. Две его сестры и брат Рауль и слышать не хотели о разделе имущества, во всем полагаясь на Филиппа. Когда обе сестры вышли замуж, то получили свою долю из рук брата не как что-то причитающееся им по праву, а как приданое, за которое они выразили ему свою признательность.

Графиня де Шаньи умерла, произведя на свет Рауля, родившегося на двадцать лет позже своего брата. Когда старый граф умер, Раулю было двенадцать лет. Филипп активно занимался воспитанием мальчика. Ему старательно помогали сначала сестры, а потом старая тетка, вдова моряка, жившая в Бресте, она-то и привила Раулю вкус ко всему, что связано с морем. Он поступил в морское училище, закончил его в числе лучших выпускников и совершил кругосветное плавание. Его включили в состав официальной экспедиции, отправлявшейся на борту «Акулы» на поиски в полярных льдах оставшихся в живых членов экспедиции с «Артуа», о котором не было известий вот уже три года. А пока он предавался радостям длительного отпуска, заканчивавшегося лишь через шесть месяцев, и при виде этого красивого мальчика, казавшегося таким хрупким, престарелые дамы жалели его ввиду предстоящих суровых испытаний.

В ту пору ему минул двадцать один год, но выглядел он не старше восемнадцати. У него были светлые усики, прекрасные голубые глаза и девичий цвет лица.

Филипп баловал Рауля, ни в чем ему не отказывая. Прежде всего он гордился им и с радостью предвкушал для младшего брата славную карьеру на флоте, где один из их предков, знаменитый Шаньи де Ла Рош, состоял в ранге адмирала. Воспользовавшись отпуском молодого человека, Филипп хотел показать ему Париж, которого тот практически не знал. Граф отличался весьма уравновешенным нравом, соблюдая умеренность и в работе, и в удовольствиях, он всегда держался безупречно и неспособен был подать брату дурной пример. Он всюду брал его с собой. И привел даже в танцевальное фойе. Я прекрасно знаю, что все говорили, будто граф состоял «в самых коротких отношениях» с Сорелли. Ну и что! Можно ли вменить в вину этому дворянину, оставшемуся холостым и, следовательно, располагавшему свободным временем, что после ужина он проводил час или два в обществе танцовщицы, которая не отличалась, разумеется, умом, но зато имела самые красивые глаза на свете? К тому же существуют места, где истинный парижанин, занимающий положение графа де Шаньи, просто обязан показываться, а в ту пору танцевальное фойе Оперы было одним из таких мест.

Хотя Филипп, возможно, и не повел бы своего брата за кулисы Академии национальной музыки, если бы тот сам несколько раз не просил его об этом с мягкой настойчивостью, о чем графу придется вспомнить впоследствии.

В этот вечер Филипп, поаплодировав Дое, повернулся к Раулю и, заметив его бледность, даже испугался.

– Разве вы не видите, – сказал Рауль, – что этой женщине плохо?

В самом деле, Кристину на сцене пришлось поддерживать.

– Ты и сам того гляди лишишься чувств, – заметил граф, наклоняясь к Раулю. – Что с тобой?

Но Рауль уже был на ногах.

– Пойдем, – молвил он дрожащим голосом.

– Куда ты хочешь идти, Рауль? – спросил граф, удивляясь волнению младшего брата.

– Пойдем посмотрим! Ведь она впервые так поет!

Граф с интересом взглянул на брата, и на губах его появилась едва заметная улыбка.
– Вот как! – И он поспешил добавить: – Пойдем! Пойдем!

Вскоре они очутились у входа для абонированных зрителей, где было очень людно. Дождаясь, когда можно будет проникнуть на сцену, Рауль, не сознавая, что делает, разрывал свои перчатки. Филипп теперь был осведомлен. Он понял, почему Рауль бывал рассеян, разговаривая с ним, и почему с таким нескрываемым удовольствием всякий раз переводил беседу на Оперу.

Они вышли на сцену.

Черные фраки устремлялись к танцевальному фойе либо направлялись к артистическим гримерным. Крики машинистов сцены смешиваются с яростными нареканиями руководителей различных служб. Расходятся статисты из последней картины, с колосников спускается задник, декорации укрепляют оглушительными ударами молотка – такова обычная суматоха, сопутствующая антрактам, которая не может не вызвать волнения у новичка, вроде молодого человека со светлыми усиками, голубыми глазами и девичьим цветом лица, торопливо, насколько позволяла ему теснота, пересекавшего ту самую сцену, на которой только что с триумфом выступала Кристина Дое и под которой скончался Жозеф Бюке.

Рауль крепким плечом отстранял любое препятствие, встававшее на его пути, не обращая ни малейшего внимания на то, что говорилось вокруг. Им владело одно-единственное желание – увидеть ту, чей волшебный голос отнял у него сердце. Да, он прекрасно сознавал, что его бедное сердце больше не принадлежит ему. Хотя он всеми силами пытался защитить его с того самого дня, когда перед ним вновь предстала Кристина, которую он знал еще совсем маленькой. При виде ее Рауля охватило сладостное волнение, от которого он по зрелому размышлению хотел было избавиться ибо, испытывая уважение к себе и своей вере, поклялся, что будет любить лишь ту, кто станет его женой, и, разумеется, ни на мгновение не мог подумать, что женится на певице; однако на смену сладостному волнению пришло ужасное ощущение. Он испытывал боль в груди, словно ее раскрыли, чтобы забрать у него сердце. Ощущал там страшную пустоту, самую настоящую, заполнить которую могло только другое сердце! Таковы симптомы совершенно особого психологического состояния, которые могут понять лишь те, кого любовь сразила наповал, нанесла неожиданный удар, именуемый «любовь с первого взгляда».

Граф Филипп, по-прежнему улыбаясь, с трудом попевал за ним.

Наконец они углубились в полумрак коридора, гудевшего от восхищенных возгласов восторженных почитателей. Одно имя перекрывало все шумы: Дое! Дое! Следовавший за Раулем граф говорил себе: «Проказник знает дорогу!» и задавался вопросом, каким образом он ее узнал. Сам он ни разу не приводил Рауля к Кристине. Тот, надо полагать, приходил сюда один, пока граф, по своему обыкновению, оставался поболтать в фойе с Сорелли, часто просившей его побыть с ней до ее выхода на сцену, а иногда из пристрастия к тиранству отдававшей ему на хранение маленькие гетры, в которых она спускалась из гримерной, дабы обеспечить блеск своих атласных туфелек и безупречную чистоту трико. У Сорелли было извинение: она потеряла мать.

Итак, граф, отложив на несколько минут визит к Сорелли, следовал по коридору, который вел к Дое, отметив, что никогда еще не толпилось там столько посетителей, как в тот вечер, когда весь театр, казалось, был потрясен успехом артистки и ее обмороком. Ибо прелестное дитя все еще не приходило в сознание, и потому послали за доктором театра, который наконец прибыл, пробравшись сквозь взволнованные группы; за ним, не отставая ни на шаг, шел Рауль.

Таким образом, врач и влюбленный одновременно оказались рядом с Кристиной, от одного получившей первую помощь и открывшей глаза на руках у другого. Граф вместе со всеми остальными остался в дверях, где началась давка.

– Вам не кажется, доктор, что этим господам следует освободить гримерную? – спросил Рауль. – Здесь нечем дышать.

– Вы совершенно правы, – согласился доктор и выставил за дверь всех, за исключением Рауля и горничной.

Та никогда прежде его не видела, однако не решилась ни о чем расспрашивать. А доктор вообразил, что если молодой человек поступал так, значит имел на это право. И виконт остался в гримерной, созерцая возвращавшуюся к жизни Дое, в то время как даже оба директора, г-н Дебьенн и г-н Полиньи, явившиеся выразить восхищение своей подопечной, были вытеснены в коридор вместе с чернофрачниками. Граф де Шаньи, выброшенный, как и все остальные, в коридор, громко смеялся.

– Ах, проказник! Ах, проказник!

И мысленно добавил: «Вот и доверяйте после этого юнцам, изображающим из себя святую невинность!»

Граф сиял. «Сразу видно, настоящий Шаньи!» – пришел он к выводу и направился в гримерную Сорелли; но та спускалась в фойе вместе со своим маленьким табуном, дрожащим от страха, и граф, как уже говорилось, встретил ее по дороге.

А в гримерной Кристины Дое послышался тем временем ее глубокий вздох, которому вторил чей-то стон. Повернув голову, она увидела Рауля и вздрогнула. Взглянув на доктора, она улыбнулась ему, потом перевела взгляд на горничную и снова на Рауля.

– Сударь! – обратилась Кристина к последнему пока еще едва слышно. – Кто вы?

– Мадемуазель, – отвечал молодой человек, встав на одно колено и запечатлев пылкий поцелуй на руке дивы, – мадемуазель, *я тот самый маленький мальчик, который подобрал в море ваш шарф.*

Кристина опять взглянула на доктора и горничную, и все трое рассмеялись. Рауль, покраснев, встал.

– Мадемуазель, если вам угодно не узнавать меня, я хотел бы сказать вам одну вещь наедине, очень важную вещь.

– Когда мне будет лучше, сударь, хорошо?.. – голос ее дрожал. – Вы очень любезны...

– Однако вам следует уйти, – добавил доктор. – Позвольте мне оказать помощь мадемуазель.

– Я не больна, – заявила вдруг Кристина с неожиданной решимостью.

Поднявшись, она торопливо провела рукой по векам.

– Благодарю вас, доктор!.. Мне необходимо побыть одной... Уходите все, прошу вас... оставьте меня... У меня сегодня нервы разыгрались...

Врач пытался было протестовать, но ввиду возбужденного состояния молодой женщины счел, что лучшее средство в подобном случае – не противоречить ей ни в чем. И он вышел вместе с Раулем, который остановился в коридоре в полной растерянности.

– Сегодня я просто не узнаю ее, – заметил доктор, – обычно она такая мягкая...

На том они и расстались.

Рауль остался один. Теперь эта часть театра опустела. Должно быть, в танцевальном фойе началась церемония прощания. Рауль подумал, что Дое, возможно, тоже направится туда, и стал ждать в безмолвном одиночестве. На месте сердца по-прежнему ощущалась все та же боль. Именно об этом ему хотелось без промедления поговорить с Дое. Внезапно дверь открылась, и он увидел горничную, которая вышла с какими-то вещами. Он остановил ее, чтобы справиться о здоровье хозяйки. Она со смехом отвечала, что та чувствует себя хорошо, но не следует ее беспокоить, потому что Дое желает побыть одна. И горничная убежала. В воспаленном сознании Рауля вспыхнула мысль: конечно же, Дое хотела остаться одна *ради него!*.. Разве не сказал он, что желает поговорить с ней наедине, и не в том ли причина, по которой она отослала всех? Он приблизился к гримерной и, прикинув ухом к двери в

ожидании ответа, собрался постучать. Однако рука его тут же опустилась. Из гримерной до него донесся *голос мужчины*, говорившего необычайно властным тоном:

– Кристина, любите меня!

И горестный голос Кристины, в котором угадывались слезы, с дрожью отвечал:

– Как вы можете говорить мне это? *Мне! Ведь я пою только для вас!*

Рауль прислонился к стене – такой боли он еще не испытывал. Сердце, которое он считал потерянным навсегда, вернулось и громко стучало в груди. Весь коридор сотрясался от его ударов, оглушавших Рауля. Если сердце и дальше будет так стучать, его наверняка услышат и откроют дверь, и молодой человек будет с позором изгнан. Достойно ли это Шаньи! Слушать под дверь! Он сжал сердце двумя руками, чтобы заставить его замолчать. Но сердце – не собачья морда, и даже когда держишь морду собаки обеими руками, ворчание ее все равно слышно.

– Вы, должно быть, очень устали? – продолжал мужской голос.

– О! Сегодня я отдала вам всю душу и осталась без сил.

– Твоя душа прекрасна, дитя мое, – снова послышался низкий голос мужчины, – и я благодарю тебя. Вряд ли найдется император, который получил бы подобный дар! *Ангелы плакали сегодня вечером.*

Рауль между тем и не думал уходить, но опасаясь, что его могут увидеть, забился в темный угол, решив дождаться там, пока мужчина выйдет из гримерной. В одно и то же время ему довелось узнать любовь и ненависть. Он понял, что любит. И хотел знать, кого ненавидит. К его великому изумлению, дверь открылась, и Кристина Дое, закутавшись в меха и опустив на лицо кружева, появилась одна. Она закрыла дверь, но не заперла ее на ключ. Кристина прошла мимо. Он даже не следил за ней глазами, ибо взгляд его был прикован к двери, которая больше не открывалась. Коридор снова опустел. Он пересек его, открыл дверь в гримерную и тотчас закрыл ее за собой, очутившись в полной темноте. Газовый рожок погасили.

– Здесь кто-то есть! – громким голосом сказал Рауль. – Зачем прятаться?

В ответ – тьма и молчание. Рауль не слышал ничего, кроме собственного дыхания. Он наверняка не отдавал себе отчета в том, что нескромность его поведения превосходила все допустимые границы.

– Вы не выйдете отсюда, если я не позволю! – воскликнул молодой человек. – Если вы не ответите мне, значит вы – трус! Но я сумею разоблачить вас!

И он чиркнул спичкой. Пламя осветило гримерную. Там никого не было! Заперев предварительно дверь на ключ, Рауль зажег все лампы. Он заглянул в туалет, открыл шкафы, шарил по стенам вспотевшими руками. Ничего!

– Вот как! – сказал он вслух. – Неужели я схожу с ума?

Рауль вышел, не зная, что делает и куда идет. В какой-то момент его сумбурного шатания в лицо ему пахнуло холодным ветром. Он очутился в самом низу узкой лестницы, по которой вслед за ним спускалась процессия рабочих, склонявшихся над подобием носилок, накрытых белой простыней.

– Будьте любезны, где выход? – спросил он одного из этих мужчин.

– Вы же видите! Прямо перед вами, – ответил тот. – Дверь открыта. Но позвольте нам пройти.

Рауль машинально спросил, показывая на носилки:

– Что это?

– Это Жозеф Бюке, которого нашли повесившимся в третьем подвальном этаже, между стропильной фермой и декорациями «Короля Лагорского».

Рауль посторонился, пропуская процессию, поклонился и вышел.

Глава III

Тем временем началась церемония прощания.

Я уже упоминал, что это великолепное торжество устроено было по случаю ухода из Оперы г-на Дебьенна и г-на Полиньи, которые пожелали умереть, как принято говорить сегодня, красиво. В осуществлении этой безупречной похоронной программы им помогали все, кто что-нибудь значил в ту пору в парижском обществе и искусстве.

И весь этот люд должен был собраться в танцевальном фойе, где Сорелли с бокалом шампанского в руке и заученной коротенькой речью ожидала отставных директоров. Позади нее теснились молодые и старые подружки из кордебалета. Некоторые танцовщицы уже облачились в городские наряды; большинство же оставалось в легких газовых юбках; но все они почитали своим долгом принять соответствующее обстоятельством выражение лица. Одна лишь крошка Жамм, чьи пятнадцать весен – счастливый возраст, – казалось, уже забыли в своей беспечности и о призраке, и о смерти Жозефа Бюке, не переставала тараторить, болтать, подпрыгивать, подшучивать, так что когда г-н Дебьенн и г-н Полиньи показались на ступенях танцевального фойе, ее сурово призвала к порядку сгоравшая от нетерпения Сорелли.

Все отметили: вид у отставных директоров был веселый, что в провинции никому не показалось бы естественным, зато в Париже это сочли проявлением хорошего вкуса. Никогда не стать парижанином тому, кто не научится скрывать скорбь под маской радости и набрасывать черную полумаску грусти, скуки или безразличия на тайное ликование. Париж – это нескончаемый бал-маскарад, и такие люди, как г-н Дебьенн и г-н Полиньи, ни за что не совершили бы ошибки, показав свою печаль, которая несомненно была истинной. И они вовсю улыбались Сорелли, произносившей приветственную речь, когда восклицание этой сумасшедшей дурочки Жамм смело директорскую улыбку столь неожиданным образом, что взорам присутствующих открылись прятавшиеся под ней лики безутешной тоски и страха:

– Призрак Оперы!

Жамм выкрикнула эту фразу с невыразимым ужасом в голосе, указав пальцем на затеявшееся среди толпы черных фраков мертвенно-бледное лицо, до того мрачное и безобразное, с черными провалами глазниц до того глубокими, что череп, на который указали таким образом, немедленно возымел бешеный успех.

– Призрак Оперы! Призрак Оперы!

Все смеялись, толкали друг друга, желая предложить выпить призраку Оперы, но тот уже скрылся!

Сорелли была в ярости; ей не удалось закончить речь; поцеловав и поблагодарив ее, г-н Дебьенн и г-н Полиньи исчезли столь же быстро, как и призрак. Никто этому не удивился, ибо все знали, что точно такая же церемония предстояла им этажом выше, в музыкальном фойе, и что, наконец, они в последний раз собирались принять близких друзей в большом вестибюле директорского кабинета, где тех ожидал ужин.

Там-то мы и встретимся с ними вновь, равно как и с новыми директорами г-ном Арманом Моншарменом и г-ном Фирменом Ришаром.

Первые едва знали вторых, что отнюдь не помешало им рассыпаться в громогласных выражениях дружеских чувств. Ужин прошел почти весело, и прозвучал не один тост, причем представитель от правительства проявил такую небывалую ловкость, объединив славу прошлого с успехами будущего, что вскоре среди гостей воцарилось редкостное воодушевление. Передача директорских полномочий произошла накануне с предельной простотой, вопросы, которые оставалось урегулировать между бывшей и новой дирекцией, разрешились под руководством правительственного представителя в обстановке величайшего стрем-

ления к согласию и с той, и с другой стороны, так что, по правде говоря, в тот достопамятный вечер нечего было удивляться при виде четырех улыбчивых директорских лиц.

Г-н Дебьенн и г-н Полиньи уже вручили г-ну Арману Моншармену и г-ну Фирмену Ришару два крохотных ключика – отмычки, открывавшие все двери Национальной академии музыки, а их несколько тысяч. И тотчас эти маленькие ключики, предмет всеобщего любопытства, стали передавать из рук в руки, однако внимание кое-кого из гостей отвлекло открытие: в конце стола они заметили странное, мертвенно-бледное, фантастическое лицо с запавшими глазами, то самое, которое уже появлялось в танцевальном фойе и было встречено резким криком крошки Жамм: «Призрак Оперы!»

Он сидел, будто самый обычный гость, если не считать того, что ничего не ел и не пил. Он не произнес ни слова, и даже его соседи не смогли бы сказать, в какой именно момент он пришел и сел там, но каждый решил, что если усопшие возвращаются порой, чтобы присесть за стол живых, то и у них вряд ли могли бы оказаться более жуткие лица.

Друзья г-на Фирмена Ришара и г-на Армана Моншармена полагали, что этот изможденный гость – один из близких г-на Дебьенна и г-на Полиньи, в то время как друзья г-на Дебьенна и г-на Полиньи решили, что этот мертвец принадлежит к окружению г-на Ришара и г-на Моншармена. А посему загробному пришельцу нечего было опасаться требования объяснений либо неприятного замечания, а то и грубой шутки дурного вкуса. Те, кто был в курсе легенды о призраке и знал его описание, сделанное старшим машинистом сцены, – они пока не ведали о смерти Жозефа Бюке, – думали про себя, что человек в конце стола вполне мог бы сойти за живое воплощение персонажа, возникшего благодаря неискоренимому суеверию персонала Оперы; а между тем, согласно легенде, у призрака не было носа, в то время как у этого персонажа таковой имелся, хотя это мог быть и фальшивый нос. Всем известно: наука обеспечивает восхитительными фальшивыми носами тех, кто лишен их от природы либо вследствие какой-то операции. Действительно ли в ту ночь призрак явился на директорский банкет без приглашения? И можем ли мы быть уверены, что это лицо в самом деле принадлежало призраку театра Оперы? Кто осмелится утверждать такое? И если я упоминаю об этом инциденте, то вовсе не потому, что желаю хоть на секунду заставить поверить читателя, что призрак способен был на столь неслыханную дерзость, но потому, что в сущности такая вещь вполне допустима.

Г-н Дебьенн и г-н Полиньи, сидевшие в середине, еще не успели заметить человека с черепом вместо головы, а тот вдруг решил заговорить.

– *Мышки* правы, – заявил он. – Смерть бедняги Бюке, возможно, совсем не так естественна, как полагают некоторые.

Дебьенн и Полиньи подскочили.

– Бюке умер? – воскликнули они.

– Да, – спокойно ответил человек или тень человека. – Сегодня вечером его нашли повесившимся в третьем подвальном этаже, между стропильной фермой и декорациями «Короля Лагорского».

Оба бывшие директора тотчас встали, пристально глядя на своего собеседника. Переглянувшись, оба побледнели, став блее скатерти. Наконец Дебьенн подал знак г-ну Ришару и г-ну Моншармену, Полиньи в нескольких словах извинился перед гостями, и все четверо направились в директорский кабинет. Предоставляю слово г-ну Моншармену.

«Г-н Дебьенн и г-н Полиньи проявляли все большее беспокойство, – рассказывает он в своих мемуарах, – и нам показалось, будто они хотят о чем-то поведать, о чем-то таком, что сильно их смущает. Прежде всего они спросили нас, знаем ли мы человека, сидевшего в конце стола, который сообщил им о смерти Жозефа Бюке, и после того, как мы ответили отрицательно, еще больше разволновались. Они взяли у нас из рук ключики-отмычки и, внимательно оглядев их, покачали головой, затем посоветовали сделать новые замки – причем

при соблюдении полнейшей тайны – в апартаментах, кабинетах и прочих помещениях, которые мы сочтем необходимым запирать наглухо. При этом они выглядели так странно, что мы со смехом спросили: неужели в Опере есть воры? Они ответили, что есть кое-кто похуже – *призрак*. Мы опять рассмеялись, полагая, что они затеяли какую-то шутку, которой должен был завершиться этот маленький дружеский праздник. По их просьбе мы снова обрели «серьезность», решив войти в такого рода игру, дабы доставить им удовольствие. Они сказали, что никогда не заговорили бы с нами о призраке, если бы не получили формальный приказ самого призрака убедить нас проявить любезность в отношении его и предоставить ему все, что он у нас попросит. Однако чрезвычайно обрадовавшись возможности покинуть места, где безраздельно властвует эта тираническая тень, и разом избавиться от всего, они колебались до самого последнего момента, не решаясь посвятить нас в столь странную историю, к восприятию которой наши скептически настроенные умы вовсе не были подготовлены, но тут известие о смерти Жозефа Бюке сурово напомнило им о том, что всякий раз, как они осмеливались пойти наперекор желаниям призрака, некое фантастическое или роковое событие живо возвращало их к ощущению полной своей зависимости.

Во время этих неожиданных речей я не сводил глаз с Ришара. Ришар в бытность свою студентом слыл великим шутником, иными словами в совершенстве владел несметным количеством способов насмеяться над другими. И потому он буквально наслаждался поданным ему, в свою очередь, угощением, стараясь не потерять ни крошки, хотя приправа была несколько мрачноватой по причине смерти Бюке.

Однако шутка немного затянулась, и Ришар нерешительно спросил:

– Но чего же все-таки хочет этот призрак?

Г-н Полиньи направился к своему письменному столу и вернулся с копией договорных условий. Договорные условия начинаются такими словами:

«Дирекции Оперы вменяется в обязанность проводить спектакли в Национальной академии музыки с должным блеском, приличествующим первой французской лирической сцене», и заканчиваются статьей 98, составленной следующим образом:

«Это преимущественное право может быть отменено в случае:

1. Если директор не выполнит распоряжений, предписанных договорными условиями».

Далее следуют распоряжения.

«Копия эта, говорит г-н Моншармен, была написана черными чернилами и полностью соответствовала той, какая была у нас.

Однако мы заметили, что договорные условия, представленные нам г-ном Полиньи, содержали один абзац, написанный красными чернилами, странным, неровным почерком, как будто слова были начертаны кончиками спичек, – почерком ребенка, который все еще выводит палочки, не научившись пока соединять их в буквы. В этом абзаце говорилось буквально следующее:

5. Если директор задержит больше чем на две недели ежемесячное вознаграждение, которое он обязан выплачивать призраку театра Оперы; вплоть до нового распоряжения месячная плата устанавливается в размере 20 000 франков – 240 000 франков в год.

Г-н де Полиньи неуверенно показал нам пальцем на этот последний пункт, для нас, разумеется, неожиданный.

– Это все? Ничего другого *он* не хочет? – с величайшим хладнокровием спросил Ришар.

– Ну как же, – возразил Полиньи.

Еще раз перелистав договорные условия, он прочитал:

«Ст.63 – Большая литерная ложа справа под номером один резервируется на всех спектаклях для главы государства. Ложа бенуара под номером двадцать по понедельникам и литерная ложа первого яруса под номером тридцать по средам и пятницам предоставляются

в распоряжение министра. Ложа второго яруса под номером двадцать семь ежедневно резервируется для нужд префектов департамента Сена и полиции».

И опять в конце этой статьи г-н Полиньи показал нам строчку, добавленную красными чернилами:

Ложа первого яруса под номером пять на все представления отдается в распоряжение призрака Оперы.

После этого нам оставалось лишь встать и горячо пожать руки двух наших предшественников, поздравив их с изобретением очаровательной шутки. Ришар счел своим долгом добавить, что теперь он понимает, почему г-н Дебьенн и г-н Полиньи покидают дирекцию Национальной академии музыки. С таким требовательным призраком невозможно больше вести дела.

– Еще бы, – не моргнув, согласился г-н Полиньи, – 240 000 франков на дороге не валяются. А представляете, во что может обойтись резервирование для призрака ложи на все представления! И это не считая того, что нам пришлось вернуть деньги за абонирование, ужас! В самом деле, стоит ли работать, чтобы содержать какого-то призрака!.. Мы предпочитаем уйти!

– Но в конце-то концов, – заметил Ришар, – мне кажется, вы прекрасно ладите с этим призраком. Если бы у меня завелся такой же обременительный призрак, я без колебаний велел бы его арестовать.

– Но где? Как? Мы никогда его не видели!

– А когда он приходит в свою ложу?

– *Мы ни разу не видели его в ложе.*

– В таком случае сдайте ее.

– Сдать ложу призрака Оперы! Что ж, господа, попробуйте!

С этими словами мы все четверо вышли из директорского кабинета. Никогда в жизни ни я, ни Ришар так не смеялись».

Глава IV

Арман Моншармен написал столь объемистые мемуары, что мы вправе задаться вопросом: оставалось ли у него хоть какое-то время заниматься делами Оперы, а не только рассказывать, что там происходит? Г-н Моншармен не знал ни одной ноты, зато был на «ты» с министром образования и изящных искусств, немного занимался бульварной журналистикой и владел довольно большим состоянием. Наконец, это был очаровательный человек, далеко не лишенный ума, раз решившись финансировать Оперу, он сумел выбрать того, кто действительно смог бы принести пользу в качестве директора, и направился прямо к Фирмену Ришару. Фирмен Ришар был известным музыкантом и галантным мужчиной. Но он был, как принято говорить, человеком властным, то есть обладал прескверным характером.

В первые дни, проведенные компаньонами в Опере, их окрыляло радостное сознание того, что они – хозяева столь обширного и прекрасного предприятия, и оба наверняка не вспоминали о весьма забавной и странной истории с призраком, пока не произошло событие, которое доказало им, что шутка – если то была шутка – продолжается.

В то утро г-н Фирмен Ришар явился в свой кабинет в одиннадцать часов. Его секретарь, г-н Реми, показал ему полдюжины писем, которые он не распечатывал, так как на них стояла пометка «лично». Одно из таких писем сразу же привлекло внимание Ришара не только потому, что надпись на конверте была сделана красными чернилами, но еще и потому, что он уже где-то видел этот почерк. Вспоминать пришлось недолго: таким же почерком и красными чернилами были дополнены договорные условия. Распечатав конверт, г-н Ришар прочитал следующее:

Дорогой директор, прошу прощения за вторжение в столь драгоценные для вас минуты, когда решается судьба лучших артистов Оперы, когда вы возобновляете важные ангажементы и заключаете новые; и все это с поразительно точным видением, пониманием театра, знанием публики и ее вкусов, авторитетом, который, признаюсь, изумил меня, несмотря на мой немалый опыт. Я в курсе того, что вы сделали для Карлотты, Сорелли и крошки Жамм, да и некоторых других, чьи восхитительные качества, талант и гений вы сумели разгадать. (Вы, надеюсь, понимаете, кого я имею в виду, когда пишу эти слова; ну разумеется, речь не о Карлотте, которая так фальшивит; и не о Сорелли, которая может похвастаться разве что телосложением; и не о крошке Жамм, которая танцует, как корова на льду. И конечно же не о Кристине Дое, чей гений бесспорен, хотя вы почему-то стремитесь держать ее подальше от любых значительных ролей.) В конце концов, вы вольны управлять своим маленьким дельцем, как вам вздумается. Однако я желал бы воспользоваться тем, что вы пока не выставили Кристину Дое за дверь, и послушать ее сегодня вечером. Кроме того, я просил бы вас не располагать моей ложей ни сегодня, ни в последующие дни; ибо не могу закончить этого письма, не признавшись вам, как неприятно удивляло меня в последнее время одно обстоятельство: являясь в Оперу, я узнавал, что моя ложа занята, билеты продавались через кассу – по вашему распоряжению.

Я не выражал ни малейшего возмущения, прежде всего потому, что являюсь противником любого скандала, и еще потому, что вообразил, будто ваши предшественники, г-н Дебьенн и г-н Полиньи забыли перед своим уходом сообщить вам о моих маленьких причудах. Та к вот, я только

что получил ответ от г-на Дебьенна и г-на Полиньи на мою просьбу о разъяснениях, ответ, который свидетельствует о том, что вы в курсе моих договорных условий и, следовательно, грубо насмехаетесь надо мной.

Если вы хотите, чтобы мы жили в мире, не следует с самого начала лишать меня моей ложи! С такими мелкими оговорками соблаговолите рассматривать меня, дорогой директор, как вашего смиреннейшего и покорнейшего слугу.

Подпись: П. в Опере.

Письмо сопровождалось выдержкой из коротких сообщений «Ревю театраль», где значилось следующее:

«П. в О.: Р. и М. нет оправданий. Мы предупредили их и оставили им ваши договорные условия. Всего хорошего!»

Едва г-н Фирмен Ришар закончил чтение этого письма, как дверь его кабинета распахнулась и появился направлявшийся к нему с письмом в руке г-н Арман Моншармен, таким же точно письмом, какое получил его коллега. Переглянувшись, они расхохотались.

– Шутка продолжается, – заметил г-н Ришар, – но это уже не смешно!

– Что это означает? – спросил г-н Моншармен. – Неужели *они* думают, что раз они были директорами Оперы, то мы навсегда бесплатно предоставим им ложу?

– Я не намерен позволять долго дурачить меня! – заявил Фирмен Ришар.

– Но это безобидно! – возразил Арман Моншармен.

– Чего же они все-таки хотят? Ложу на сегодняшний вечер?

Г-н Фирмен Ришар отдал распоряжение своему секретарю отправить г-ну Дебьенну и г-ну Полиньи билеты в ложу № 5 первого яруса, если она еще не занята.

Она оказалась свободной. Билеты тут же отправили г-ну Дебьенну и г-ну Полиньи: первый жил на углу улицы Скриба и бульвара Капуцинок; второй – на улице Обера. Оба письма призрака театра Оперы были сданы на почту бульвара Капуцинок. Это обнаружил Моншармен, изучая конверты.

– Ты же видишь! – воскликнул Ришар.

Они пожалели плечами, сожалея, что люди столь почтенного возраста все еще развлекаются, забавляясь невинными играми.

– Однако можно быть и повежливее! – не удержался Моншармен. – Видел, как они третируют нас в связи с Карлоттой, Сорелли и крошкой Жамм?

– Что ж, дорогой, эти люди заболели от зависти!.. Как подумаешь, до чего они дошли: поместить сообщение в «Ревю театраль»!.. Неужели им нечего больше делать?

– Кстати! – заметил Моншармен. – Они, похоже, очень интересуются малюткой Кристиной Дое...

– Ты знаешь не хуже меня, что у нее безупречная репутация! – ответил Ришар.

– Репутация часто бывает обманчивой, – возразил Моншармен. – Разве за мной не закрепилась репутация ценителя музыки, хотя я не знаю разницы между ключом *соль* и ключом *фа*?

– Никогда у тебя не было такой репутации, – заявил Ришар, – успокойся.

Весь день прошел в спорах, переговорах, подписывании и разрывании контрактов; так что поверьте: в тот вечер – вечер двадцать пятого января – наши два директора легли рано, даже не полюбопытствовав заглянуть в ложу № 5, чтобы узнать, понравился ли спектакль г-ну Дебьенну и г-ну Полиньи.

На следующее утро г-н Ришар и г-н Моншармен обнаружили в своей почте, с одной стороны, благодарственную открытку от призрака, составленную таким образом:

Дорогой директор,

Спасибо. Прелестный вечер. Дое восхитительна. Последите за хором. Карлотта – великолепный, но банальный инструмент.

Вскоре напишу вам по поводу 240 000 фр., точнее – 233 424 фр. 70, так как г-н Дебьенн и г-н Полиньи передали мне 6575 фр., составляющих плату за первые десять дней этого года – их права кончились вечером десятого числа.

Ваш покорный слуга П. в О.

С другой стороны, письмо от г-на Дебьенна и г-на Полиньи:

Господа,

Мы благодарим вас за ваше любезное внимание, но вы наверняка поймете, что возможность еще раз услышать «Фауста», сколь сладостна ни была бы она для бывших директоров Оперы, не заставит забыть нас, что мы не имеем ни малейшего права занимать ложу № 5 первого яруса; такое исключительное право принадлежит тому, о ком мы имели случай сообщить вам, перечитывая в последний раз вместе с вами договорные условия, – последний абзац статьи 63.

– Эти люди начинают действовать мне на нервы! – гневно заявил Фирмен Ришар, хватая письмо г-на Дебьенна и г-на Полиньи.

В тот вечер билеты в ложу № 5 были проданы.

На другой день, придя в свои кабинеты, г-н Ришар и г-н Моншармен нашли донесение инспектора относительно событий, имевших место накануне вечером в ложе № 5.

«Сегодня вечером, – инспектор писал свое донесение накануне вечером, – я вынужден был обращаться за помощью к муниципальному дежурному дважды – в начале и в середине второго акта, – чтобы вывести зрителей, занимавших ложу первого яруса под номером пять. Они явились к началу второго акта и создавали поистине скандальную обстановку своими смешками и нелепыми замечаниями. Вокруг них со всех сторон слышалось шиканье, зал начал возмущаться, и тогда билетерша пришла за мной; войдя в ложу, я сказал все, что следовало. Однако люди эти, казалось, были не в своем уме и вели глупые речи. Я предупредил их, что если подобный скандал повторится, я буду вынужден освободить ложу. Как только я вышел, снова послышались смешки и возмущенные протесты в зале. Я вернулся с муниципальным дежурным, который вывел их. Они возражали, со смехом заявляя, что не уйдут, пока им не вернут деньги. Наконец они успокоились, и я позволил им войти в ложу; но тотчас же снова начались смешки, на этот раз я распорядился окончательно удалить их».

– Пусть вызовут инспектора! – крикнул Ришар своему секретарю.

Секретарь, г-н Реми, который уже нашел инспектора, приказал впустить его. Инспектор вошел, несколько встревоженный.

– Расскажите нам, что произошло? – резким тоном сказал Моншармен.

Инспектор забормотал что-то и тут же сослался на донесение.

– Но почему все-таки эти люди смеялись? – спросил Моншармен.

– Господин директор, они, верно, отлично поужинали и больше расположены были шутить, нежели слушать хорошую музыку. Да вот, судите сами: едва войдя в ложу, они сразу же вышли оттуда и позвали билетершу, та спросила, в чем дело. Они сказали ей:

«Загляните в ложу, там действительно никого нет?..»

«Нет», – ответила билетерша.

«Так вот, – заявили они, – когда мы пришли, то услышали чей-то голос, говоривший, что там кто-то есть».

Г-н Моншармен не мог без улыбки смотреть на г-на Ришара, но г-н Ришар и не думал улыбаться. Раньше ему слишком часто доводилось «работать» в подобном жанре, чтобы

в рассказе инспектора, излагавшего события наивнейшим образом, не распознать все признаки одной из тех злых шуток, которые поначалу забавляют людей, ставших их жертвами, но в конце концов приводят их в ярость.

– И все-таки, – ворчливо спросил грозный Ришар, – когда эти люди пришли, в ложе действительно никого не было?

– Никого, господин директор! Никого! Ни в ложе справа, ни в ложе слева – никого, клянусь вам! Я готов руку дать на отсечение! Именно это и доказывает, что речь идет всего лишь о шутке.

– А что говорит билетерша?

– Она говорит, что это призрак Оперы. Так что сами понимаете!

Мрачная физиономия г-на Ришара приобрела свирепый вид.

– Пусть найдут мне билетершу! – приказал он. – Немедленно! И пусть приведут ее сюда! И чтобы сейчас же всех выставили за дверь!

Инспектор хотел было возразить, но Ришар закрыл ему рот грозным окриком: «Молчите!» Затем, когда губы несчастного подчиненного сомкнулись, казалось, навеки, г-н директор приказал, чтобы они снова раскрылись.

– Что это еще за «призрак Оперы»? – решил спросить он ворчливым тоном.

Но инспектор был уже не в состоянии вымолвить ни слова. Отчаянной мимикой он дал понять, что ничего не знает, или, вернее, ничего не хочет знать.

– Вы-то сами видели этого призрака Оперы?

Инспектор энергично замотал головой.

– Тем хуже! – холодно заявил г-н Ришар. – Потому что я рассчитаю всех, кто его не видел! Раз он всюду, совершенно недопустимо, чтобы его нигде не замечали. Я хочу, чтобы люди выполняли свою работу!

Глава V

Сказав это, г-н Ришар, не обращая больше на инспектора ни малейшего внимания, стал обсуждать различные дела с только что вошедшим администратором. Инспектор решил, что может уйти, и тихонечко, с величайшей осторожностью, пятясь, приблизился к двери, но г-н Ришар, заметив этот маневр, пригвоздил его к месту громовым окриком: «Останьтесь!»

Г-н Реми послал за билетершей, которая работала к тому же консьержкой на улице Прованс, в двух шагах от Оперы. Она вскоре явилась.

– Как вас зовут?

– Мадам Жири. Да вы меня знаете, господин директор, я – мать крошки Жири, то есть малютки Мег!

– Я вас не знаю! Тем не менее, мадам Жири, мне очень хотелось бы узнать, что произошло вчера вечером, если вы были вынуждены, вы и господин инспектор, обратиться за помощью к муниципальному дежурному...

– Я как раз хотела повидаться с вами, господин директор, и поговорить об этом, чтобы, не дай Бог, и у вас не вышло неприятностей, как у господина Дебьенна и господина Полиньи... Они тоже поначалу не хотели меня слушать...

– Я вас об этом не спрашиваю. Я только спрашиваю, что случилось вчера вечером!

Мадам Жири покраснела от возмущения. С ней никогда не разговаривали подобным тоном. Она встала, словно собираясь уйти, и уже подобрала складки своей юбки, но, передумав, снова села и надменно заявила:

– Случилось то, что опять досаждали призраку!

И так как г-н Ришар готов был взорваться, вмешался г-н Моншармен и сам повел допрос, из которого стало ясно, что мадам Жири считает вполне естественным, когда в ложе, где никого нет, раздается чей-то голос и заявляет, будто там кто-то есть. Она не могла объяснить это явление иначе как вмешательством призрака. Этого призрака в ложе никто не видел, зато все могли слышать. Сама она часто его слышала, а уж ей-то можно верить, ибо она никогда не лжет. Можно спросить у господина Дебьенна и господина Полиньи, а также у всех, кто ее знает, и еще у господина Исидора Саака, которому призрак сломал ногу!

– Неужели? – прервал ее Моншармен. – Призрак сломал ногу несчастному Исидору Сааку?

Мадам Жири вытаращила глаза, в которых отражалось удивление, охватившее ее при виде столь вопиющего невежества. Но она согласилась-таки просветить двух несчастных простаков. Случилось это в бытность директорами господина Дебьенна и господина Полиньи все в той же ложе № 5 и тоже во время представления «Фауста».

– Так вот, сударь. В тот вечер в первом ряду сидели господин Маньера со своей супругой, торговцы драгоценными камнями, а за госпожой Маньера – их близкий друг, господин Исидор Саак. Мефистофель поет (*мадам Жири напевает*):

Выходи, о друг мой нежный:
Бил свиданья час!
Сон свой детский, безмятежный
Отгони от глаз!

И тут господин Маньера слышит у своего правого уха (его жена сидела слева) голос: «Ха! Ха! Жюли-то не спит!» (А его супругу зовут как раз Жюли.) Господин Маньера поворачивается вправо, чтобы посмотреть, кто с ним говорит. Никого! Потирая уши, он думает про

себя: «Неужели я сплю?» А Мефистофель тем временем продолжает свою серенаду (*Мадам Жири поет*):

Сквозь аккорды струн певучих
Слышен сердца стон:
Поцелуев твоих жгучих
Страстно молит он!

И тотчас господин Маньера слышит все тем же правым ухом голос: «Ха! Ха! Неужели Жюли откажет Исидору в поцелуе?» Тут он поворачивается, но на этот раз в сторону своей супруги и Исидора, и что же он видит? Исидор, взяв сзади руку его жены, целует ее в маленький вырез перчатки... Ну вы, конечно, понимаете, что дело не кончилось добром! Хлоп! Хлоп! Господин Маньера, который был высоким и сильным, закатил пару пощечин господину Исидору Сааку, который был худеньким и слабеньким. Словом, вышел скандал. В зале кричали: «Довольно! Довольно!.. Он убьет его!..» Наконец, господину Исидору Сааку удалось ускользнуть...

– Стало быть, призрак не сломал ему ногу? – спросил г-н Моншармен.

– Он ее сломал, сударь, – с достоинством возразила мадам Жири (ибо она поняла оскорбительный намек). – Он начисто сломал ему ногу на *большой* лестнице, по которой тот спускался слишком быстро! Да так, ей-богу, что бедняга не скоро на *нее* встанет!..

– Это призрак рассказал вам, какие именно слова он нашептывал в правое ухо господина Маньера? – спросил судебный следователь Моншармен все с той же серьезностью, казавшейся ему на редкость комичной.

– Нет, сударь, господин Маньера самолично.

– Но вы-то уже разговаривали с призраком, милая дама?

– Вот как сейчас с вами...

– И что же он говорит вам, этот призрак, когда беседует с вами?

– Просто велит принести ему скамеечку!

Ришар расхохотался вместе с Моншарменом и секретарем Реми, однако инспектор не смеялся. Прислонившись к стене и лихорадочно перебирая ключи в своем кармане, он задавался вопросом, чем же кончится эта история. И чем более надменным становился тон мадам Жири, тем сильнее он опасался новой вспышки гнева г-на директора! А мадам Жири при виде директорского веселья осмелилась принять угрожающую позу!

– Вместо того, чтобы смеяться над призраком, – с негодованием воскликнула она, – вы бы лучше последовали примеру господина Полиньи, уж он-то самолично удостоверился...

– Удостоверился в чем? – спрашивает Моншармен, никогда в жизни так не веселившийся.

– В существовании призрака!.. Ведь говорю же я вам... Судите сами!.. Я все помню, как будто это было вчера. На этот раз давали «Жидовку». Господин Полиньи пожелал один присутствовать на представлении в ложе призрака. Госпожа Краусс имела бешеный успех. Она только что спела, ну знаете, тот самый кусок из второго акта (*Мадам Жири напевает вполголоса*):

Я жить хочу с тобой и умереть,
Ни небо нас, ни ад не разлучат.

– Хорошо! Хорошо! Я знаю... – с обескураживающей улыбкой прерывает ее г-н Моншармен.

Но мадам Жири продолжает вполголоса, покачивая пером на шляпе цвета сажи:

Уйдем! Уйдем! На земле, на небесах ли
Одна судьба нас ожидает.

– Ясно! – снова в нетерпении повторяет Ришар. – А дальше?

– А дальше вот что: ведь именно в этот момент Леопольд восклицает: «Бежим!», а Элеазар останавливает их, спрашивая: «Куда бежите вы?» Так вот, в этот самый момент господин Полиньи, за которым я наблюдала из глубины соседней ложи, где никого не было, господин Полиньи вскочил и пошел, оцепенев, словно статуя, я едва успела спросить его, вроде Элеазара: «Куда вы?» Но он мне не ответил, а сам был бледный, как мертвец! Я следила, когда он спускался по лестнице, только он не сломал ногу... Хотя шел будто в дурном сне, даже дорогу не мог найти...

Мадам Жири умолкла, дабы оценить произведенный ее словами эффект. История с Полиньи заставила Моншармена лишь покачать головой.

– Однако из всего этого не следует, при каких обстоятельствах и каким образом призрак Оперы попросил у вас скамеечку, – настаивал он.

– Ну, с этого вечера все и пошло... Потому что с этого вечера его оставили в покое, нашего призрака... Никто больше не пытался отнять у него ложу. Господин Дебьенн и господин Полиньи отдали распоряжение, чтобы ее оставляли для него на все представления. Поэтому, когда он приходил, то просил у меня скамеечку...

– Минуточку! Призрак просит скамеечку? Стало быть, ваш призрак – женщина? – спросил Моншармен.

– Нет, призрак – мужчина.

– Откуда вы знаете?

– У него мужской голос. Тихий такой голос. Вот как все происходит: когда он является в Оперу – обычно это бывает где-то в середине первого акта, – он три раза отрывисто стучит в дверь ложи номер пять. Первый раз, когда я услышала эти три удара, хотя прекрасно знала, что в ложе пока никого нет, я была страшно удивлена! Открываю дверь, смотрю, слушаю: никого! И вдруг раздается чей-то голос: «Мадам Жюль (так звали моего покойного мужа), можно попросить у вас скамеечку?» От неожиданности я стала красная, как помидор. А голос продолжал: «Не пугайтесь, мадам Жюль, это я – призрак Оперы!!!» Я поглядела в ту сторону, откуда доносился голос, к слову сказать, такой добрый, что почти не внушал мне страха. Голос, господин директор, сидел в первом кресле первого ряда справа. Только я никого не видела в кресле, хотя можно было поклясться, что там кто-то сидит, и этот кто-то был очень учтивым, честное слово.

– Ложа, которая находится справа от ложи номер пять, была занята? – спросил Моншармен.

– Нет, ложа номер семь, так же как и ложа номер три слева, еще не были заняты. Спектакль только-только начался.

– И что же вы сделали?

– Конечно, я принесла скамеечку. Скамеечку он, разумеется, просил не для себя, а для своей супруги! Только ее я ни разу не видела и не слышала...

Что? Оказывается, у призрака есть еще и жена! Взгляды г-на Моншармена и г-на Ришара от мадам Жири обратились к инспектору, который за спиной билетерши размахивал руками, пытаясь привлечь внимание своего начальства. Указательным пальцем он в отчаянии стучал себя по лбу, давая понять директорам, что матушка Жюль наверняка сумасшедшая. Эта пантомима окончательно укрепила г-на Ришара в намерении избавиться от инспектора, который держит у себя на службе ненормальную. А славная женщина, увлеченная своим призраком, продолжала тем временем, нахваливая его щедрость:

– В конце спектакля он всегда дает мне монетку в сорок су, иногда сто су, а бывает, даже десять франков, если он несколько дней не приходит. Зато теперь, когда ему снова начали досаждают, он ничего мне больше не дает...

– Прошу прощения! Но каким образом призрак вручает вам ваши сорок су? – спросил любознательный от рождения Моншармен.

– Очень просто! Оставляет на полочке в ложе. Я нахожу их вместе с программкой, которую всегда приношу ему; бывают вечера, когда я нахожу в моей ложе цветы, например, розу, которая могла упасть с корсажа его дамы... потому что иногда он наверняка приходит с дамой, ведь однажды они забыли веер.

– Вот как! Призрак забыл веер? И что же вы с ним сделали?

– Вернула ему в следующий раз. Они его унесли, господин директор; после конца спектакля я его не нашла, а в доказательство они оставили вместо него коробку английских конфет, которые я так люблю, господин директор. Это обычная любезность призрака...

– Хорошо, мадам Жири... Вы можете идти.

После того, как мадам Жири распростилась с двумя директорами, те заявили инспектору, что они решили отказаться от услуг этой старой безумицы. И отпустили инспектора. Когда же г-н инспектор после заверений в своей безграничной преданности этому дому тоже удалился, директора предупредили администратора, что ему следует рассчитать инспектора. Оставшись одни, господа директора поделились друг с другом одной мыслью, которая пришла им в голову обоим, причем одновременно, а именно: пойти заглянуть в ложу № 5.

Глава VI

Кристине Дое, ставшей жертвой интриг, к которым мы вернемся чуть позже, не приходилось надеяться на повторение в скором времени триумфа того памятного гала-концерта. Хотя с той поры ей довелось выступить в городе у герцогини из Цюриха, где она пела самые прекрасные отрывки из своего репертуара. Однако после вечера у герцогини из Цюриха Кристина не поет больше в свете. Она отказывается от любых приглашений и любых гонораров. Она ведет себя так, будто не вольна уже распоряжаться собственной судьбой, будто боится нового триумфа.

Ей стало известно, что граф де Шаньи, стараясь доставить удовольствие своему брату, предпринимал очень активные шаги, похлопотав за нее перед г-ном Ришаром; она написала ему, чтобы поблагодарить, и просила не говорить о ней больше с ее директорами. Каковы же могли быть мотивы столь странного поведения? Одни уверяли, что это непомерная гордыня, другие кричали о божественной скромности. Но можно ли быть настолько скромным в театре? Мне думается, что Кристина Дое испугалась того, что с ней произошло, и наверняка была поражена не меньше окружающих. Поражена? Да полно! Передо мной письмо Кристины (из коллекции Перса), которое связано с событиями того времени. Так вот, перечитав его, я уже не написал бы, что Кристина была поражена или даже испугана своим триумфом, нет, она была просто *в ужасе*. Да, да... в ужасе!

«Я не узнаю себя больше, когда пою!» – говорит она.

Она нигде не показывалась, и виконт де Шаньи понапрасну пытался искать с нею встречи. Он писал ей, испрашивая разрешения явиться к ней, и уже отчаялся получить ответ, когда однажды утром она прислала ему письмо следующего содержания:

«Сударь, я не забыла маленького мальчика, который отправился за моим шарфом в море. Я не могу не написать вам об этом сегодня, когда, влекомая священным долгом, собираюсь в Перро. Завтра годовщина смерти моего бедного батюшки, которого вы знали и который очень любил вас. Он похоронен там вместе со своей скрипкой, на кладбище, прилегающем к церквушке, у подножия холма, где мы так часто играли маленькими, у обочины той самой дороги, где, чуть повзрослев, мы простились в последний раз».

Получив от Кристины Дое это письмо, виконт де Шаньи бросился к железнодорожному справочнику и, наспех одевшись, написал несколько строк, которые камердинер должен был отдать его брату, потом вскочил в экипаж, слишком поздно однако доставивший его на перрон вокзала Монпарнас, так что он не успел на утренний поезд, на который рассчитывал.

Рауль провел тоскливый день и вновь обрел вкус к жизни лишь вечером, когда занял место в вагоне. На протяжении всего пути он снова и снова перечитывал письмо Кристины, наслаждаясь ароматом ее духов и воскрешая в памяти сладостные картины юных лет. Занимался день, когда он высадился в Ланьоне. Рауль тут же бросился к дилижансу Перро-Гирек. Расспросив кучера, он узнал, что накануне вечером молодая женщина, по виду парижанка, просила отвезти ее в Перро, где остановилась в маленькой гостинице «Закатное солнце». Это могла быть только Кристина. Она приехала одна. Рауль вздохнул с облегчением. Наконец-то он сможет без помех поговорить с Кристиной в этом уединенном месте. Он любил ее до умопомрачения. Этот взрослый парень, объехавший вокруг света, был чист, как девственница, никогда не покидавшая материнский кров.

По мере приближения к Кристине он с благоговением вспоминал историю маленькой шведской певицы.

В небольшом селении в окрестностях Упсалы жил крестьянин со своей семьей, всю неделю он возделывал землю, а по воскресеньям пел у аналоя. У крестьянина была девочка, которую прежде, чем она научилась читать, он приобрел к музыкальной азбуке.

Папаша Дое играл на скрипке и считался лучшим деревенским скрипачом Скандинавии. Слава о нем шла по всей округе, к нему всегда обращались, если собирались потанцевать на свадьбе или на пирушке. Матушка Дое была немощной и умерла, когда Кристине шел шестой год. Отец, любивший лишь дочь да музыку, тотчас продал свой клочок земли и отправился за славой в Упсалу. Но нашел там только нищету. Тогда он вновь вернулся к деревенской жизни, бродил по ярмаркам, пилякая скандинавские мелодии, а дочь его с восторгом слушала отца или пела, вторя ему.

Однажды на ярмарке в Лимбе их обоих услышал профессор Валериус и увез с собой в Гетеборг. Он уверял, что отец – лучший уличный скрипач в мире, а дочь обладает всеми качествами, чтобы стать великой артисткой. И девочку стали обучать и воспитывать. Она всех очаровывала своей красотой, грацией и стремлением правильно говорить и правильно поступать. Успехи ее были разительны. Тем временем профессору Валериусу и его жене пришлось переехать во Францию. Они взяли с собой Дое и Кристину. Матушка Валериус относилась к Кристине как к родной дочери. Что же касается отца, он стал чахнуть от тоски по родине. В Париже папаша Дое никогда не выходил из дому. Целыми часами сидел он, закрывшись с дочерью в комнате, откуда доносились тихие звуки скрипки и пение. Иногда матушка Валериус приходила послушать их у двери. Тяжело вздыхая, она вытирала слезу и возвращалась к себе на цыпочках. Она тоже тосковала по скандинавскому небу.

Папаша Дое оживал лишь летом, когда все семейство выезжало отдыхать в Перро-Гирек, в ту пору мало известный парижанам уголок Бретани. Ему очень нравилось море в этом краю, по его словам, такого же точно цвета, как там, и часто на пляже играл для него самые печальные свои мелодии, уверяя, что море смолкает, внимая им. Потом он так стал донимать своими мольбами матушку Валериус, что та смирилась с новой причудой бывшего деревенского скрипача. В пору «прощений» – освященного обычаем бретонского паломничества, деревенских праздников, танцев и тайных вечеринок – он уходил, как в былые времена, со своей скрипкой на целую неделю и получал право брать с собой дочь. Их готовы были слушать непрерывно. На год вперед они наполняли сладкими звуками самые глухие деревенские уголки, а ночью, отказавшись от постели на постоялом дворе, спали, прижавшись друг к другу, в сараях, на соломе, как в то время, когда были бедняками в Швеции.

Девочка пела до того хорошо, что казалось, будто слышишь райского ангела. За ними следовали по пятам из деревни в деревню. Однажды городской мальчик, который оказался поблизости со своей воспитательницей, заставил ту проделать большой путь, ибо никак не решался покинуть маленькую девочку, чей нежный и чистый голос буквально заморозил его. Так они добрались до бухточки, которая и сейчас зовется Трестрау. Тогда в том месте не было ничего, только небо да море и золотистый берег. А кроме того, дул сильный ветер, который унес шарф Кристины в море. Тонкая ткань колыхалась уже далеко на волнах, и вдруг Кристина услышала чей-то голос:

– Не беспокойтесь, мадемуазель, я достану ваш шарф.

И она увидела мальчика, который бежал, несмотря на крики и возмущенные возгласы дамы в черном. Мальчик вошел в море одетый и принес шарф. И мальчик, и шарф оказались в плачевном состоянии! Кристина смеялась от всего сердца и поцеловала мальчика. Это был виконт Рауль де Шаньи. Он жил со своей тетей в Ланьоне. В течение лета Кристина и Рауль виделись почти каждый день и вместе играли. По просьбе тети и ходатайству профессора Валериуса папаша Дое согласился давать уроки игры на скрипке юному виконту. Так Рауль

научился любить те же мелодии, которые околдовали детство Кристины. Когда солнце исчезло в море и нисходил великий вечерний покой, папаша Дое садился рядом с ними на обочине дороги и рассказывал тихим голосом, словно опасаясь спугнуть призраков, которых вызывал, великолепные легенды Северной страны. Была одна история, которая начиналась так:

«Маленькая Лотта думала обо всем и ни о чем. Летняя пташка, она парила в золотых солнечных лучах с весенним венком на своих светлых локонах. Душа у нее была ясной и такой же лазурной, как ее взгляд. Более всего она любила слушать, засыпая, Ангела музыки».

Пока папаша Дое рассказывал, Рауль смотрел на золотистые волосы и голубые глаза Кристины. А Кристина думала, что на долю маленькой Лотты выпало несказанное счастье – слушать, засыпая, Ангела музыки. У папаши Дое не было, пожалуй, ни одной истории, где не возникал бы Ангел музыки, он утверждал, что ко всем великим музыкантам, ко всем большим артистам хотя бы раз в жизни приходит Ангел музыки. Иногда этот Ангел склоняется над их колыбелью, как это случилось с маленькой Лоттой, потому-то и встречаются чудо-дети, которые в шесть лет играют на скрипке лучше, чем люди в пятьдесят. А иногда Ангел приходит гораздо позже, потому что дети бывают непослушны и не хотят учиться, небрежно относятся к своим гаммам. Но бывает, Ангел вообще не приходит, если сердце у человека нечистое и совесть неспокойна. Ангела никто никогда не видит, но его дано слышать избранным душам. И чаще всего такое случается в те минуты, когда они меньше всего этого ожидают, пребывают в печали и унынии. Тогда вдруг ухо улавливает небесную музыку, некий божественный голос, и это остается в памяти на всю жизнь. У людей, которых посетил Ангел, появляется одна особенность: стоит им коснуться инструмента или открыть рот, чтобы петь, как возникают звуки, затмевающие своей красотой все иные человеческие звуки. Те, кто не знает, что этих людей посетил Ангел музыки, говорят: у них талант.

Маленькая Кристина спрашивала у папы, доводилось ли ему слышать Ангела. В ответ папаша Дое грустно качал головой, но потом взгляд его оживлялся, глаза начинали блестеть, и он говорил дочке:

– Ты, моя девочка, обязательно его услышишь. Когда я буду на небе, я пошлю его к тебе, обещаю!

К тому времени папаша Дое начал кашлять.

Пришла осень и разлучила Рауля с Кристиной.

Через три года они снова встретились – уже молодыми людьми. Произошло это опять в Перро. Профессор Валериус умер, но матушка Валериус осталась во Франции, а вместе с ней остались папаша Дое с дочерью, они по-прежнему пели и играли на скрипке. Молодой человек приехал на всякий случай в Перро и зашел в дом, где оставил когда-то свою маленькую подружку. Сначала он увидел старика Дое, тот встал со стула и со слезами на глазах обнял его, сказав, что они конечно же помнят его. Дверь отворилась и вошла очаровательная девушка, которая заботливо несла на подносе горячий чай. Она узнала Рауля, прелестное личико вспыхнуло легким румянцем. Девушка в нерешительности молчала. Папаша глядел на них обоих. Рауль подошел к девушке и поцеловал ее, она не сопротивлялась. Задав ему несколько вопросов, Кристина премило выполнила обязанности хозяйки, потом взяла поднос и покинула комнату. Затем поспешила в сад и села в одиночестве на скамью. Ее охватили чувства, впервые всколыхнувшиеся в юном сердце. Вскоре к ней присоединился Рауль, и они в смущении проговорили до вечера. Они вели себя осторожно, как дипломаты, беседовали о вещах, не имевших никакого отношения к их нарождающимся чувствам. Когда же они прощались на обочине дороги, Рауль сказал Кристине, запечатлев вежливый поцелуй на ее дрожащей руке: «Мадемуазель, я никогда вас не забуду!» и ушел, сожалея о своих опрометчивых словах, ибо прекрасно сознавал, что Кристина Дое не может стать женой виконта де Шаньи.

Что касается Кристины, то она, вернувшись к отцу, сказала:

– Тебе не кажется, что Рауль стал не таким милым, как прежде? Я его больше не люблю!

И она попыталась не думать о нем. Удавалось ей это с трудом, тогда она полностью отдалась своему искусству, отнимавшему все время. Успехи ее были поразительны. Те, кто слышал ее, предсказывали, что она станет лучшей артисткой во всем мире. Но тем временем умер ее отец, и вместе с ним она, казалось, потеряла и свой голос, и свою душу, и свой талант. Кое-что у нее все-таки осталось, этого хватило – но едва-едва, – чтобы поступить в консерваторию. Она ничем не выделялась, прилежно занималась, но без особого энтузиазма, и получила премию, чтобы доставить удовольствие старой матушке Валериус, вместе с которой продолжала жить. Первый раз, когда Рауль вновь увидел Кристину в Опере, он был очарован красотой девушки и навеянными ею воспоминаниями о милых картинах прошлой жизни, но в то же время удивлен ее невысокими достижениями в искусстве. Потом пришел еще раз ее послушать. Он последовал за ней за кулисы. Ждал, пытаясь привлечь ее внимание. Не раз провожал ее до порога гримерной, но она его не замечала. Впрочем, казалось, будто она никого не замечает. Мимо проходило само безразличие. Рауль страдал и не решался признаться самому себе, что любит ее. А потом, как гром среди ясного неба, случился тот праздничный гала-концерт: небеса разверзлись, и на земле зазвучал ангельский голос, призванный завораживать мужчин и погубить его собственное сердце...

А потом, потом послышался мужской голос за дверью: «Любите меня!» – и никого в гримерной...

Сколько шума от этого дилижанса, продвигающегося так медленно! Он узнает хижину... ограды, откосы, деревья вдоль дороги... А вот и последний поворот, дальше дорога пойдет под уклон, а там – море... просторная бухта Перро... Итак, она остановилась в гостинице «Закатное солнце». А где же еще! Других попросту нет. К тому же гостиница очень хорошая. Он помнит, какие прекрасные истории рассказывались там в былые времена! Как сильно бьется сердце! Что она скажет, когда увидит его?

Первой, кого он заметил, войдя в старый закоптившийся зал гостиницы, была матушка Трикар. Она узнала его. Спросила, что привело его в эти края. Он покраснел. Сказал, что приехал по делам в Ланьон и решил «заглянуть сюда, чтобы поприветствовать ее». Она хотела подать ему завтрак, но он ответил: «После». Казалось, он ждет чего-то или кого-то. Дверь открывается. Рауль тут же вскакивает. Он не ошибся: это она! Он хочет что-то сказать и снова опускается на стул. Она стоит перед ним улыбающаяся, ничуть не удивленная. Лицо у нее свежее, розовое, девушка наверняка разволновалась от быстрой ходьбы. Грудь ее, где скрывается чистое сердце, тихонько приподнимается. Глаза – прозрачные, светло-лазоревые зеркала цвета неподвижных, задумчивых озер, эти глаза безмятежно посылают ему отражение ее чистой души. Рауль и Кристина долго смотрят друг на друга. Матушка Трикар улыбается и незаметно исчезает. Наконец Кристина заговорила:

– Вы приехали, меня это нисколько не удивляет. У меня было предчувствие, что вернувшись с мессы, я найду вас здесь, в этой гостинице. *Кто-то* сказал мне там об этом. Мне сообщили о вашем прибытии.

– Кто же? – спрашивает Рауль, заключая в свои руки маленькую ручку Кристины, которой та не отнимает.

– Ну конечно, мой бедный покойный папа.

– А ваш папа не сказал вам, что я люблю вас, Кристина, что я не могу жить без вас?

Кристина покраснела до корней волос и отвернулась.

– Меня? Вы с ума сошли, мой друг, – сказала она дрожащим голосом. – Я заставила вас сюда приехать вовсе не для того, чтобы вы говорили мне подобные вещи.

– Вы «заставили» меня приехать, Кристина, значит вы догадались, что ваше письмо не оставит меня равнодушным и что я примчусь в Перро. Как вы могли такое предположить, если не думали, что я вас люблю?

– Я думала, вы вспомните наши детские игры... По правде говоря, я и сама хорошенько не знаю, о чем я думала... Возможно, я напрасно вам написала... Ваше внезапное появление в моей гримерной в тот вечер перенесло меня далеко в прошлое, и я написала вам как маленькая девочка, какой была тогда, которая в минуту печали и одиночества была бы рада вновь увидеть рядом с собой своего маленького приятеля...

Какое-то время они хранят молчание. Есть в поведении Кристины что-то такое, что кажется Раулю неестественным, хотя ему и не удастся понять, что именно. Между тем, он не ощущает ее враждебности, напротив... грустная нежность ее взгляда говорит сама за себя. Но почему в этой нежности столько грусти?..

– Когда вы увидели меня в своей гримерной, Кристина, это был первый раз, что вы меня заметили?

Она не умеет лгать. И потому отвечает:

– Нет! Я уже видела вас несколько раз в ложе вашего брата. И на сцене тоже.

– Я так и знал! Но почему же в таком случае, увидев меня у своих ног в гримерной, да еще после того, как я напомнил вам, что подобрал в море ваш шарф, почему вы ответили так, будто вовсе меня не знаете, и еще смеялись?

Тон вопросов был таким жестким, что Кристина с удивлением взглянула на Рауля и ничего не ответила. Молодой человек и сам поразился внезапной ссоре, на которую он отважился именно в тот момент, когда обещал себе сказать Кристине слова, которые выразили бы всю его нежность, любовь и смиренное послушание.

– Вы мне не отвечаете! – ощущая себя несчастным, злобно говорит он. – Хорошо, тогда я отвечу за вас! Дело в том, что в гримерной находился кто-то еще, кто вас стеснял! Кто-то, кому вы не хотели показать, что можете интересоваться кем-то другим!..

– Если кто-то и стеснял меня, друг мой, – прервала его Кристина ледяным тоном, – вероятно, это были вы, если я выставила вас за дверь!..

– Да!.. Чтобы остаться с другим!..

– Что вы такое говорите, сударь? – задыхаясь, ответила молодая женщина. – И о ком другом идет речь?

– О том, кому вы сказали: «Я пою только для вас! Сегодня я отдала вам всю душу и осталась без сил!»

Кристина схватила Рауля за руку и сжала ее с такой силой, какую трудно было заподозрить у столь хрупкого существа.

– Стало быть вы подслушивали за дверью?

– Да! Потому что люблю вас... И я все слышал...

– Что вы слышали?

– Он сказал вам: «Любите меня!»

При этих словах смертельная бледность разлилась по лицу Кристины, глаза ввалились... пошатнувшись, она едва не упала. Рауль бросился к ней, протягивая руки, но Кристина уже превозмогла минутную слабость и тихим, почти умирающим голосом прошептала:

– Дальше! Говорите дальше! Расскажите обо всем, что слышали!

– Еще я слышал, как он ответил вам, когда вы сказали, что отдали ему всю душу: «Твоя душа прекрасна, дитя мое, и я благодарю тебя. Вряд ли найдется император, который получил бы подобный дар! Ангелы плакали сегодня вечером!»

Кристина подносит руку к сердцу. В неопишемом волнении она пристально смотрит на Рауля. И взгляд у нее такой пронзительный, такой неподвижный, что кажется, будто это

взгляд безумной. Рауль в ужасе. Но вот глаза Кристины стали влажными, и на ее щеки скапывали две жемчужины, две тяжелые слезы.

Молодой человек хочет схватить ее, но она выскользывает у него из рук и убегает в полном смятении.

Пока Кристина сидела взаперти у себя в комнате, Рауль осыпал себя упреками за свою резкость, хотя, с другой стороны, в его горячей крови снова разбушевалась ревность. Несмотря на все услышанное, Рауль, разумеется, нисколько не сомневался в чистоте Кристины. Он знал, что она пользовалась безупречной репутацией, и сам не был таким уж неискушенным новичком, чтобы не понять: актриса порой бывает вынуждена выслушивать любовные речи. Она в ответ заявила, что отдала всю душу, но нет сомнений, что речь тут шла всего лишь о пении и музыке. Нет сомнений? Тогда откуда же такое волнение сейчас? Боже мой, до чего же несчастен был Рауль! И если бы ему попался мужчина, тот самый *мужской голос*, он потребовал бы у него объяснений.

Рауль отказался от обеда. Он был страшно опечален, с великой горечью сознавая, что эти часы, рисовавшиеся ему в мечтах столь радужными, протекают вдали от юной шведки. Почему она не желает побродить вместе с ним по тем местам, с которыми их связывает столько общих воспоминаний? И почему, если ей нечего больше делать в Перро, почему она сей же час не возвращается в Париж? Ему стало известно, что утром она заказала мессу за упокой души папаши Дое и несколько часов молилась в маленькой церквушке и на могиле деревенского скрипача.

Печальный и обескураженный, Рауль отправился на кладбище. Открыв калитку, он бродил в одиночестве среди могил, разбирая надписи, но, дойдя до алтарного выступа, сразу все понял, увидев яркие цветы, оживлявшие могильную плиту. Они наполняли благоуханием этот заледенелый от зимней стужи бретонский уголок. То были чудесные красные розы, распустившиеся, казалось, утром в снегу. Они вносили немного жизни в царство мертвых, ибо смерть тут была повсюду. Скелеты и черепа сотнями скапливались у церковной стены, удерживаемые всего-навсего легкой железной сеткой, оставлявшей неприкрытой эту жуткую конструкцию. Черепа, уложенные рядами, словно кирпичи, и укрепленные в промежутках чисто выбеленными костями, как бы образовывали фундамент, на который опирались стены ризницы. Дверь ризницы находилась посреди этого скопления костей, которое нередко можно увидеть у стен старых бретонских церквей.

Помолившись за Дое, Рауль покинул кладбище и, поднявшись по откосу, сел на краю равнины, возвышавшейся над морем. Ветер злобно метался по песчаному берегу, стараясь прогнать жалкий и боязливый свет дня. Обращенный в бегство, тот отступил, застыв у горизонта белесой полосой. Ветер утих. Наступил вечер. Ледяной сумрак окутал Рауля, но он не ощущал холода. Именно сюда, на это место, с наступлением сумерек он часто приходил с маленькой Кристиной, чтобы в тот момент, когда появится луна, посмотреть на танец злых духов. Сам он никогда их не видел, хотя отличался хорошим зрением. Кристина же, которая была немного близорука, напротив, уверяла, будто видела их множество. При этой мысли он улыбнулся, потом вдруг вздрогнул. Какая-то фигура, вполне отчетливая, но явившаяся неведомо откуда, ибо он не слышал ни малейшего шума, так вот эта фигура, стоявшая рядом с ним, произнесла:

– Вы думаете, злые духи придут сегодня вечером?

То была Кристина. Он собирался что-то сказать. Но она закрыла ему рот рукой, затянутой перчаткой.

– Послушайте, Рауль, я решила сказать вам важную вещь, очень важную! Вы помните легенду об Ангеле музыки?

– Еще бы! Думается, именно здесь ваш отец впервые рассказал нам ее.

– И именно здесь он мне обещал: «Когда я буду на небе, дитя мое, я пришлю его к тебе». Так вот, мой отец на небе, и ко мне приходил Ангел музыки.

– Не сомневаюсь, – серьезным тоном произнес молодой человек, ибо решил, что в сознании его подруги, предававшейся благочестивым мыслям, смешались воспоминания об отце и ее недавний оглушительный триумф. – Я полагаю, что человеческое создание не может петь так, как пели вы в тот вечер, без вмешательства какого-то чуда, без содействия небес. Не сыщется на земле такого преподавателя, который мог бы научить вас подобным интонациям. Вы слышали Ангела музыки, Кристина.

– Да, – торжественно заявила она, – *в моей гримерной*. Он приходит туда ежедневно давать мне уроки.

Она произнесла это таким проникновенным и странным тоном, что Рауль посмотрел на нее с беспокойством, так смотрят на человека, который говорит несусветную глупость или настаивает на существовании некоего безумного видения и верит в него всеми силами своего несчастного, больного разума.

– В вашей гримерной?

– Да, я слышала его именно там, и не я одна...

– Кто же слышал его еще, Кристина?

– Вы, мой друг.

– Я? Я слышал Ангела музыки?

– Да, в тот вечер; это говорил он, когда вы слушали за дверью моей гримерной. Это он сказал мне: «Любите меня». Однако я думала, что только одна различаю его голос. Представьте же мое удивление, когда сегодня утром я узнала, что и вы смогли его услышать...

Рауль рассмеялся. И тотчас тьма над пустынной равниной рассеялась, и первые лучи лунного света упали на молодых людей. Кристина с неприязненным видом повернулась к Раулю. Глаза ее, обычно такие ласковые, метали молнии.

– Почему вы смеетесь? Может, вы думаете, что слышали голос мужчины?

– Конечно!

– И это вы, Рауль, вы говорите мне это! Мой давний маленький товарищ! Друг моего отца! Я не узнаю вас больше. Что вы себе вообразили? Я честная девушка, господин виконт де Шаньи, и не закрываюсь у себя в гримерной с мужскими голосами. Если бы вы открыли дверь, то увидели бы, что там никого не было!

– Верно! Когда вы ушли, я открыл дверь и никого не нашел в гримерной...

– Вот видите... В чем же дело?

Виконт собрал все свое мужество.

– А вот в чем, Кристина, я думаю, над вами кто-то смеется!

Она вскрикнула и убежала. Он кинулся вслед за ней, но она бросила ему в неопишемом гневе:

– Оставьте меня!

И исчезла. Рауль вернулся в гостиницу, испытывая страшную усталость. Ему сказали, что Кристина поднялась к себе в комнату, заявив, что не спустится к ужину. Рауль поужинал в полном одиночестве у огня в весьма мрачном расположении духа. Затем попытался читать у себя в комнате, потом попробовал заснуть. В соседних апартаментах не было слышно ни звука. Что делала Кристина? Спала? А если не спала, о чем думала? А он, о чем он думал? Странная беседа с Кристиной совсем сбילה его с толку!.. И думал он не столько о самой Кристине, сколько о том, что творилось *вокруг* Кристины, и это «вокруг» казалось таким неясным, таким туманным и неуловимым, что он испытывал странное и томительное чувство неловкости.

Часы тянулись бесконечно медленно; было, наверное, около половины двенадцатого ночи, когда он явственно различил шаги в соседней комнате. То были легкие, осторожные

шаги. Кристина, стало быть, не ложилась? Не отдавая себе отчета в своих действиях, молодой человек торопливо оделся, стараясь не шуметь. И, готовый ко всему, стал ждать. Сердце его подскочило, когда он услышал, как дверь Кристины медленно открывается. Куда она собиралась в столь поздний час, когда в Перро все замерло?

Тихонько приоткрыв дверь, Рауль увидел в лунном свете белую фигуру Кристины, с большими предосторожностями скользнувшую по коридору. Вот она дошла до лестницы, спустилась, а он наверху склонился над перилами. Внезапно он услышал два голоса, торопливо о чем-то переговаривающихся. До него донеслась фраза: «Не потеряйте ключ». То был голос хозяйки гостиницы. Внизу отворилась выходившая на рейд дверь. Ее закрыли. И снова все стихло. Рауль тотчас вернулся в свою комнату и подбежал к окну, распахнув его. Белая фигура Кристины маячила на пустынной набережной.

Второй этаж гостиницы «Закатное солнце» был совсем невысок, и шпалерное дерево, протягивавшее ветки навстречу нетерпеливым рукам Рауля, позволило тому выбраться наружу так, что хозяйка и не заметила его отсутствия. А посему велико было удивление славной дамы, когда на следующее утро к ней принесли полузамерзшего молодого человека, который был ни жив ни мертв, и она узнала, что его нашли распростертым на ступеньках главного алтаря маленькой церквушки Перро. Она поспешила сообщить новость Кристине. Торопливо спустившись, та с помощью хозяйки гостиницы, не жалея сил, в тревоге стала приводить в чувство молодого человека, который вскоре открыл глаза и окончательно вернулся к жизни, увидев склонившееся над ним очаровательное лицо своей подруги.

Что же произошло?

Несколькими неделями позже, когда драма в Опере привлекла внимание прокуратуры, комиссар Мифруа получил возможность допросить виконта де Шаньи относительно событий той ночи в Перро, и вот в каком виде они были записаны в досье проводившегося расследования.

Вопрос. – Мадемуазель Дое не видела, как вы спускались из своей комнаты по странно выбранному пути?

Ответ. – Нет, сударь. Между тем, я следовал за ней, даже не пытаюсь заглушить шум своих шагов. Я молил тогда только об одном: чтобы она обернулась, увидела и узнала меня. В самом деле, я говорил себе, что мое преследование неучтиво и шпионство, на которое я решился, недостойно меня. Но она, казалось, ничего не слышала и вела себя так, словно меня там не было. Она спокойно покинула набережную, потом вдруг торопливо пошла обратно и стала подниматься по дороге. Церковные часы только что пробили без четверти двенадцать, и мне почудилось, будто удар часов словно подстегнул ее, ибо она почти бежала. И наконец добралась до входа на кладбище.

В. – Ворота кладбища были открыты?

О. – Да, сударь, и это меня поразило, но, пожалуй, ничуть не удивило мадемуазель Дое.

В. – На кладбище никого не было?

О. – Я никого не заметил. Если бы кто-то был там, я бы увидел. Луна светила ослепительно ярко, и снег, покрывавший землю, отражая ее лучи, делал ночь еще светлее.

В. – Нельзя ли было спрятаться за могилами?

О. – Нет, сударь. Жалкие надгробные камни утонули под слоем снега, и кресты оказались на уровне земли. Виднелись лишь наши две тени да тени от этих крестов. Церковь была залита светом. Я ни разу не ходил ночью на кладбище и не знал, что там можно увидеть подобный свет, я бы сказал «невесомый свет».

В. – Вы суеверны?

О. – Нет, сударь, я верующий.

В. – В каком состоянии духа вы находились?

О. – Вполне нормальном и спокойном, честное слово. Разумеется, странный уход мадемуазель Дое меня глубоко поразил, но это только сначала; когда же я увидел, что девушка идет на кладбище, то подумал: она пришла исполнить какой-то обет на отцовской могиле, такая вещь показалась мне вполне естественной, и я вновь обрел спокойствие. Я только удивился, что она все еще не слышит, как я иду за ней, ведь снег хрустел у меня под ногами. Вероятно, она полностью была поглощена благочестивыми помыслами. Впрочем, я не хотел мешать ей, и когда она подошла к могиле отца, я остановился в нескольких шагах сзади. Став на колени в снегу, она перекрестилась и начала молиться. В этот момент пробило полночь. Двенадцатый удар еще звучал в моих ушах, когда внезапно я увидел, что девушка поднимает голову; взгляд ее устремился к небесному своду, а руки простерлись к ночному светилу; мне показалось, ее охватил исступленный восторг, и я все еще спрашивал себя, в чем причина этого внезапного восторга, когда сам поднял голову, растерянно оглядываясь по сторонам и всем своим существом устремляясь к Невидимому, *тому невидимому, кто исполнял для нас музыку*. И какую музыку! Мы ее уже знали! Кристина и я не раз слышали ее в детстве. Но никогда на скрипке папаши Дое она не звучала с такой божественной силой. Самое лучшее, что я мог сделать в такую минуту, – это вспомнить все сказанное недавно Кристиной об Ангеле музыки. Я не знал, что и думать о незабываемых звуках: если они не спускались с неба, то неизвестно, откуда брались на земле. Там не было ни инструмента, ни руки, которая водила бы смычком. О, я прекрасно помнил восхитительную мелодию – «Воскрешение Лазаря». Папаша Дое исполнял это для нас в минуты печали и веры. И, честное слово, я почти ожидал увидеть, как поднимается могильная плита отца Кристины. Мне пришла мысль, что Дое был похоронен вместе со своей скрипкой, и, по правде говоря, я не знаю, до чего дошло в эту зловещую минуту в глуши маленького провинциального кладбища, рядом с черепами, мое воображение и на чем остановилось. Но вот музыка смолкла, и я пришел в себя. Мне показалось, будто я услышал шум со стороны скопища черепов и костей.

В. – Вы слышали шум со стороны скопища черепов и костей?

О. – Да, мне почудилось, что черепа усмеваются, и я невольно вздрогнул.

В. – А вы не подумали, что за костями как раз и мог прятаться тот самый божественный музыкант, который так очаровал вас?

О. – Еще бы, конечно подумал и уже не мог думать ни о чем другом, господин комиссар, я даже не последовал за мадемуазель Дое, которая поднялась и направилась к воротам кладбища. Она была настолько поглощена своими мыслями, что не заметила меня. Я замер, не спуская глаз с костей, решив разобраться в этой невероятной истории и найти разгадку.

В. – Что же все-таки случилось, если наутро вас нашли полумертвым, распростертым на ступенях главного алтаря?

О. – К моим ногам скатился череп... потом второй... и еще один... Можно было подумать, что я стал мишенью этой зловещей игры в шары. Мне пришло в голову, что какое-то неосторожное движение нарушило порядок в нагромождении костей, за которыми прятался наш музыкант. Такое предположение показалось мне тем более обоснованным, что на залитой ослепительным светом стене ризницы внезапно мелькнула чья-то тень.

Я поспешил вослед. А тень, толкнув дверь, уже проникла в церковь. У меня были крылья, а у тени – широкое пальто. Я успел ухватиться за полу пальто тени. В этот момент тень и я оказались перед главным алтарем, и лунный свет падал прямо на нас. Я не отпускал полу, тень обернулась, пальто, в которое она была закутана, распахнулось, и я увидел, господин судья, так же ясно, как вижу вас сейчас, кошмарный череп, устремивший на меня горящий взгляд, в котором отражалось пламя ада. Я решил, что имею дело с самим Сатаной, сердце мое не устояло перед этим потусторонним видением, больше я ничего не помню вплоть до того момента, когда очнулся в маленькой комнатке в гостинице «Закатное солнце».

Глава VII

Мы расстались с г-ном Фирменом Ришаром и г-ном Арманом Моншарменом в тот момент, когда они собирались отправиться в ложу № 5 первого яруса.

Широкая лестница, ведущая из административного вестибюля к сцене и подсобным помещениям, осталась позади; они пересекли сцену, проникли в театр через вход для абонируемых зрителей, а дальше в зал – по первому коридору слева. Пробравшись между первыми рядами партера, они взглянули на ложу № 5. Но из-за царившего там полумрака и наброшенных на красный бархат подлокотников огромных чехлов разглядеть ее хорошенько не удалось. В эту минуту они оказались почти одни в огромном сумрачном нефе, их окружала полнейшая тишина. То был спокойный час, когда машинисты сцены уходят пить.

Вся смена на короткое время покинула площадку, бросив наполовину установленную декорацию; лишь отдельные лучи света (тусклого, зловещего, украденного, казалось, у какого-то умирающего светила) сочились сквозь неведомое отверстие, падая на старинную башню, оцетинившуюся на сцене своими картонными зубцами; предметы в неверном свете принимали странные очертания. Полотно, укрывавшее кресла партера, напоминало разбушевавшееся море, чьи сине-зеленые волны внезапно замерли по тайному повелению исполнителя бурь. Г-н Моншармен и г-н Ришар выглядели жертвами кораблекрушения среди застывшего волнения полотняного моря. Они продвигались к ломам левой стороны. Восемь огромных колонн вроде полированных подпорок вставали во тьме как невероятных размеров сваи, призванные удержать угрожающе нависшую, вот-вот готовую рухнуть скалу, основание которой избороздили изогнутые линии балконов лож первого, второго и третьего ярусов. А на самом верху отвесной скалы гримасничали, усмехались, зубоскалили, насмешничали, издевались над беспокойством г-на Моншармена и г-на Ришара затерянные в медных небесах лики. Г-н Моншармен, во всяком случае, признает, что был потрясен. Он говорит буквально следующее: «Эти бабьи сказки (ну и стиль!) насчет призрака в Опере, в конце концов безусловно нарушили равновесие моих умственных, а вернее всего, и зрительных способностей, ибо (была ли тому виной необычайная обстановка, в которой мы очутились, и поразившая нас невероятная тишина?.. Или мы стали жертвой своего рода галлюцинации, обусловленной почти полной тьмой в зале и полумраком, царившим в ложе № 5?) ибо в ложе № 5 я увидел, и Ришар тоже увидел, причем в тот же самый момент, некую фигуру. Подождали несколько минут, не шевелясь и не сводя глаз с одной точки, но фигура исчезла. Тогда мы вышли и уже в коридоре поделились своими впечатлениями. К несчастью, моя фигура была совсем не похожа на фигуру Ришара. Лично я видел что-то вроде черепа на бортике ложи, в то время как Ришар заметил фигуру старой женщины, походившей на матушку Жири. Тут мы сразу поняли, что действительно стали жертвой обманчивого воображения, и с громким смехом бегом бросились на первый ярус к ложе № 5, вошли туда, но уже не обнаружили никакой фигуры».

Г-н Моншармен и г-н Ришар, посмеиваясь друг над другом, двигали мебель в ложе, приподнимали чехлы и кресла, с особым вниманием изучая то, в котором *имел обыкновение сидеть голос*. Однако им пришлось признать, что это было самое обычное кресло, ничего волшебного они в нем не нашли. Словом, ложа была самая что ни на есть заурядная – с красной обивкой, креслами, ковриком и бортиками красного бархата.

Ощупав тщательнейшим образом коврик и не обнаружив в нем, как, впрочем, и во всем остальном, ничего особенного, они спустились в ложу бенуара, находившуюся непосредственно под ложей № 5, и также не обнаружили ничего, что заслуживало бы внимания.

– Над нами все смеются! – воскликнул Фирмен Ришар. – В субботу мы даем «Фауста» и оба будем присутствовать на представлении в ложе номер пять первого яруса!

Глава VIII

Однако, явившись в субботу утром в свои кабинеты, директора нашли в двух экземплярах письмо от П. в О., составленное таким образом:

*Дорогие директора,
Стало быть – война?*

Если вы еще дорожите миром, вот мой ультиматум.

Он заключает в себе четыре следующих условия:

1. Вернуть мне ложу – я хочу, чтобы она сейчас же перешла в полное мое распоряжение;

2. «Маргариту» сегодня вечером будет петь Кристина Дое. Не беспокойтесь о Карлотте: она заболевает.

3. Я высоко ценю радушные и добросовестные услуги мадам Жири, моей билетерши, которую вы немедленно восстановите на службе;

4. Дайте мне знать письмом, переданным через мадам Жири, что вы, подобно вашим предшественникам, принимаете мои договорные условия относительно причитающегося мне ежемесячного вознаграждения. Позже я сообщу вам, каким образом следует вручать его мне.

В противном случае сегодня вечером вы будете давать «Фауста» в проклятом зале.

Имеющий уши да услышит!

П. в О.

– Хватит, он мне надоел! – возопил Ришар, с угрозой подняв кулаки и с грохотом опустив их на письменный стол.

Тем временем вошел Мерсье, администратор.

– Лашеналь хочет видеть одного из господ, – сказал он. – Дело, судя по всему, срочное, человек этот выглядит крайне взволнованным.

– Кто такой Лашеналь? – спросил Ришар.

– Это ваш старший конюший. В Опере несколько конюших, а господин Лашеналь – старший над ними.

– И чем же он занимается, этот конюший?

– В его ведении находится конюшня.

– В Опере есть конюшня? Я ничего об этом не знал, честное слово! И где она находится?

– В подвалах со стороны «Ротонды». Это очень важная служба, ведь у нас двенадцать лошадей.

– Двенадцать лошадей! Великий Боже! Зачем они?

– Для шествий в «Жидовке», в «Пророке» и так далее нужны дрессированные лошади, которые «имеют понятие о сцене». Учить их этому входит в обязанность конюших. Господин Лашеналь весьма сведущий человек в этом деле.

– Прекрасно... Но что ему от меня надо?

– Не знаю... Я никогда не видел его в таком состоянии.

– Пусть войдет!

Входит г-н Лашеналь. В руках у него хлыст, которым он нервно стегает себя по сапогам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.